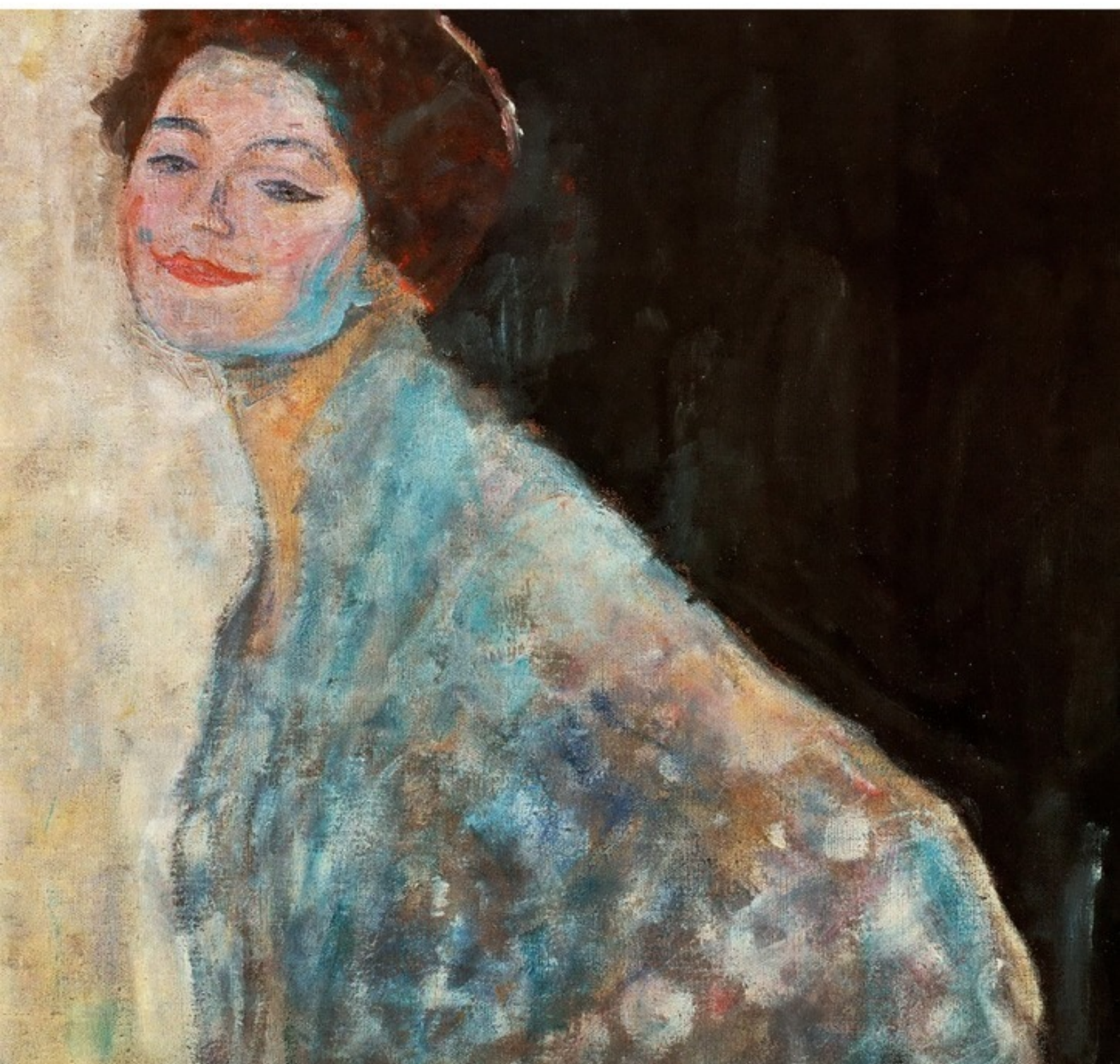

Валериан П.
Такая вот жизнь, братец — 2

(Записки «Шестидесятника»)

Валериан П.

**Такая вот жизнь, братец – 2.
(Записки «Шестидесятника»)**

«Издательские решения»

П. В.

Такая вот жизнь, братец – 2. (Записки «Шестидесятника») /
В. П. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748516-0

В свое время ходила по стране крылатая фраза: «В СССР секса нет». Официально так оно, может, и было, но на деле... мы в сексе были диссидентами! Секс был тем «глотком свободы», который придавал нашей жизни такую необходимую нам индивидуальность. Вот об этом, среди прочего, и пойдет речь в данной книге.

ISBN 978-5-44-748516-0

© П. В.

© Издательские решения

Содержание

Книга Вторая – АС/ДС, или Мои «Прорывы» за Кордон	6
1. «Страна Родная, Индонезия»!	6
2. Бегство в Египет	15
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Такая вот жизнь, братец – 2
(Записки «Шестидесятника»)
Валериан П.**

© Валериан П., 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Вторая – АС/ДС, или Мои «Прорывы» за Кордон

– Я прежде всех про себя расскажу. Я, знаете, из плотоядных. Всё это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся! – Обнажимся, обнажимся! – закричали во все голоса.

– Я ужасно, ужасно хочу обнажиться! – взвизнула Авдотья Игнатьевна.

Ф. М. Достоевский «Бобок»

1. «Страна Родная, Индонезия»!

Честно говоря, мои командировки за рубеж принесли мне кучу неприятностей. Что и следовало ожидать. Плывая по течению, не думаешь о том, что тебя ждет впереди. Конечно, эти поездки были уникальным жизненным опытом, которого я никогда бы не получил в Союзе. Но, опыт опыту рознь...

Мой первый вояж за рубеж состоялся ещё в бытность студентом филфака. То были годы молодости, полные юношеского бреда и невежества. Учился я, откровенно говоря, из рук вон плохо. Филология не увлекала (это пришло позже!), специальные дисциплины – история английского языка, теоретическая грамматика – давались с трудом, истории зарубежных и русской литератур требовали более основательной эрудиции, а социальные предметы – диамат, истмат, – внушали отвращение уже одними своими названиями. Спасало то, что я был единственным парнем в группе, что давало неоспоримые преимущества, в частности, с оформлением за границу.

Ну, и что из этого вышло? Ну, вырвался за рубеж и, пробыв там восемь месяцев, пропустил семестр обучения в *универе*, а по возвращении, вместо того, чтобы взяться за ум и ещё раз пройти *весь* четвертый курс (что мне и было предложено в деканате!), сразу прыгнул на пятый. Глупо, но факт. Дело в том, что, вернувшись домой с деньгами и заграничным шмотьем, я уже ни о чем не думал, кроме как снова попасть в за бугор. Шальные деньги не оставляли мне выбора, и я, ничтоже сумняшеся, взвалил на себя тяжелый груз сдачи зачетов и экзаменов за *два семестра сразу*, плюс написание диплома. Да ещё женился вдобавок, – чтоб в анкете «всё было в порядке». Ну, кое-как всё сдал и даже диплом написал с отличием. По сему случаю был отмечен на кафедре и приглашен в очную аспирантуру, но имел наглость отказаться от приглашения. Но это уже было потом, после командировки.

Ну, а что вначале? Все эти дурацкие хлопоты с оформлением документов, всякие там парткомы, месткомы, райкомы. Потом были сборы, проводы, тяжелые прививки в Москве. И вот, я уже с мамой в аэропорту Шереметьево. Почему-то надо идти пешком до трапа, стоящего на взлетной полосе самолета, хотя на улице 30 градусов мороза (Первое января Нового Года!). Помню, как в какой-то момент прощания я сорвал с себя дорогую пыжиковую шапку и, сунув её маме, пустился бегом через заснеженное поле к самолету. Вот так всё и было.

Самым большим впечатлением от поездки был перелет из Москвы в Джакарту. Летели, в общей сложности, около суток с четырьмя остановками. Маленький, тесный ТУ-104 взлетал на предельном напряжении сил, а садился, падая, как камень в колодезь. Поначалу было страшно, но потом привык. Первая остановка – в Ташкенте, ещё на своей земле, затем – бросок через Гималаи в Дели. Было жутковато видеть, как под крылом самолета медленно проплывают мимо угрюмые, заснеженные пики гор, как бы недовольные тем, что на них кто-то смотрит сверху. Помню, в голове мелькнуло: «Не хотелось бы здесь совершить вынужденную посадку –

кто тебя сюда полезет спасать!» В Дели мы просидели пару часов без еды и питья под неусыпными взглядами охранявших нас усато-бородатых сикхов... Потом – перелет в Рангун, где мы приземлились поздно ночью. Помню, спускаясь по трапу из прохладного салона на землю, я взмок, словно зашел в парилку. Рубаха прилипла к телу и стало нечем дышать. И ещё помню белую, залитую светом прожектора стену здания аэровокзала. При ближайшем рассмотрении она оказалась сплошь залепленной тысячами насекомых самых разных форм и размеров. «Боже мой! Сколько же их здесь», подумал я и, привлеченный необыкновенным видом какой-то твари, хотел было рассмотреть её поближе, как, вдруг, откуда ни возьмись, из тьмы возникла фигура местного стража, который жестами показал мне, что этого делать нельзя – опасно. Помню также, как в ресторане нам подали какую-то диковинную рыбу. На столе были разложены столовые приборы – ножи и вилки с ручками весьма причудливой формы – штуки три с каждой стороны. Я взял по одному прибору попроще, а остальные так и не тронул... И вот, мы опять взмываем в ночное небо и летим в кромешной тьме под мерное гудение турбин. Ребята вокруг спят, а мне не спится. Вижу, что дверь в кабину пилотов приоткрыта и, от нечего делать, решаю пройти к ним. Подхожу, заглядываю. О, ужас, пилоты тоже спят, и штурвал болтается сам собой из стороны в сторону. Оказывается, мы летим на автопилоте. Но этого я тогда не знал и здорово испугался. Думал: всё – конец!

Ранним утром мы были на подлете к Джакарте. Впервые в жизни я наблюдал восход солнца на такой высоте. Зрелище, надо сказать, грандиозное. Гигантский, раскаленный шар выкатился из-за горизонта, слепя глаза и окрашивая небо в палевые тона. Глядя на это действие, я подумал: «Как же все-таки краток миг нашего существования. Вот это было и будет всегда, а мы – лишь жалкие козявки, возомнившие себя творцами Вселенной»...

И вот мы выходим из самолета. Первое впечатление: здесь совсем другой воздух! Воздух, наполненный незнакомыми ароматами. Да и все вокруг другое: люди, здания, природа, даже небо. Никаких тебе гигантских *Миру Мир*, *Слава КПСС* на крышах зданий. Новизна всего сразу как-то подействовала на меня возбуждающе, обостряя восприятие.

...«Страна родная Индонезия» встретила нас, молодых советских специалистов и переводчиков, как и водится на Востоке, бесстрастно и молча. Нас кинули в эту страну, как в омут, и мы наверняка утопили бы в ней, не будь мы такими «легковесными» в вопросах мировой истории и культуры. За сутки сменив январскую стужу Москвы на одуряющую жару Джакарты, мы и там остались в непроницаемой

Наши специалисты за любимым занятием

капсуле советских воззрений на жизнь. Помню, как на второй день нашего пребывания мы с приятелем решили поиграть в волейбол, и за каких-то полчаса обгорели так, что вечером поднялась температура. Потом пару дней не показывали носа на улицу: *зализывали раны*.

Мы с Колей Зайцевым вкушаем прохладу в бассейне Советского посольства в Индонезии

На Яве я пробыл, в общей сложности, около восьми месяцев, хотя командирован был на год: *не выдержал и удрал*. Не справился с трудностями. Теперь, вот, жалею. Дали мне шанс, а я его не использовал.

Индонезийские наряды

Большую часть командировки я прожил в *Бандунге*, живописнейшем городке, расположенном высоко над уровнем моря. Это что-то вроде нашего Сочи, только лучше. Там все

было в диковинку: новенькие машины всевозможных марок (правда, много было и старых развалюх), красивые, построенные с фантазией коттеджи, странные храмы-молельни. Яванцы – удивительно красивый народ, особенно женщины. Завернутые в цветастые *sarong*, они так хороши и стройны, что издали кажутся много выше своего роста.

Улица в Бандунге

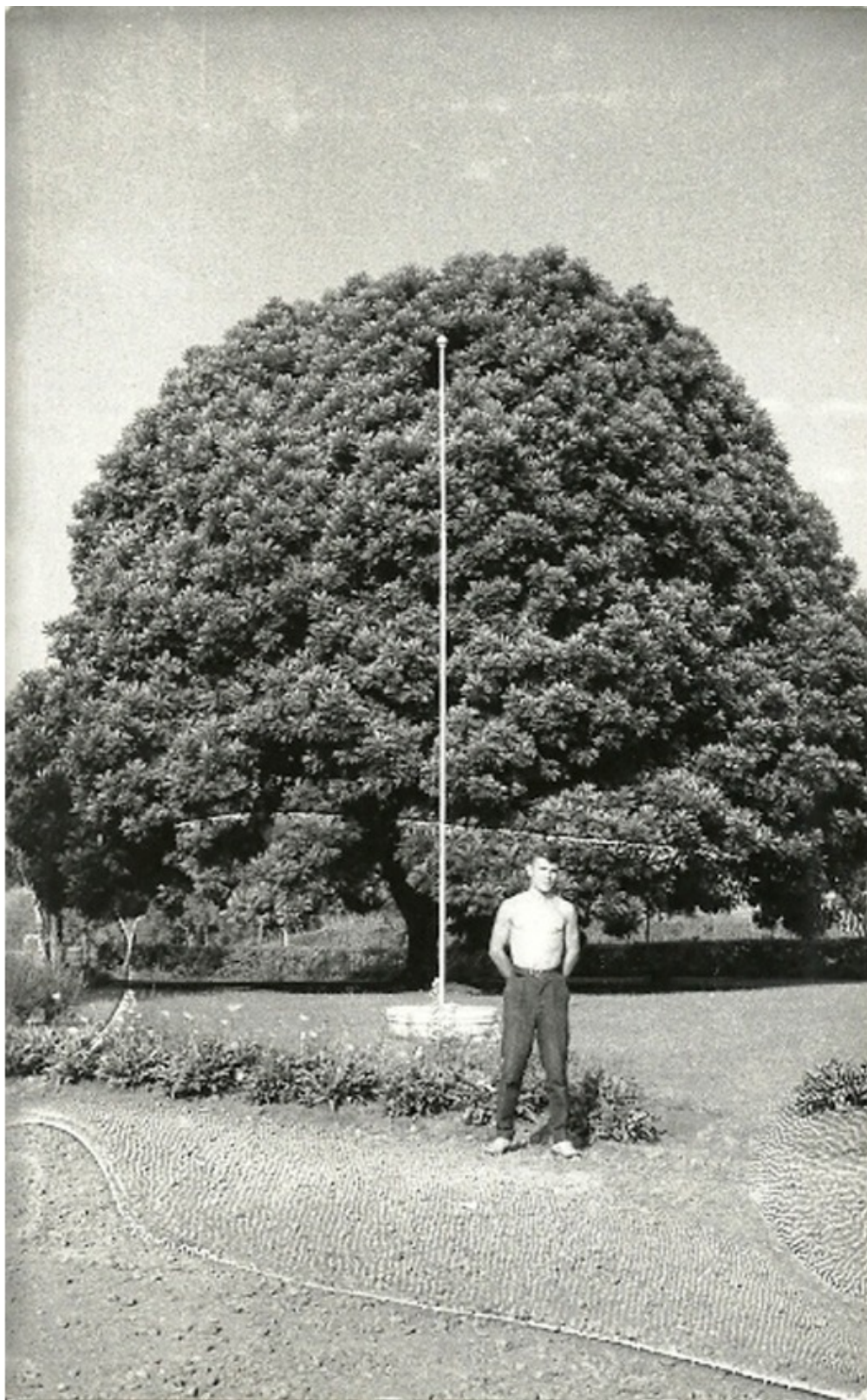
Были там и рикши с колясками спереди или сзади, пользоваться которыми нам, советским людям, было запрещено: эксплуатация человека человеком. И повсюду на улицах – симпатичные мотороллеры. Интересно, что за рулем обычно сидят девушки, а молодые люди пристраиваются сзади, ухватившись за талии своих юных подруг.

Ухажеры и их пассии

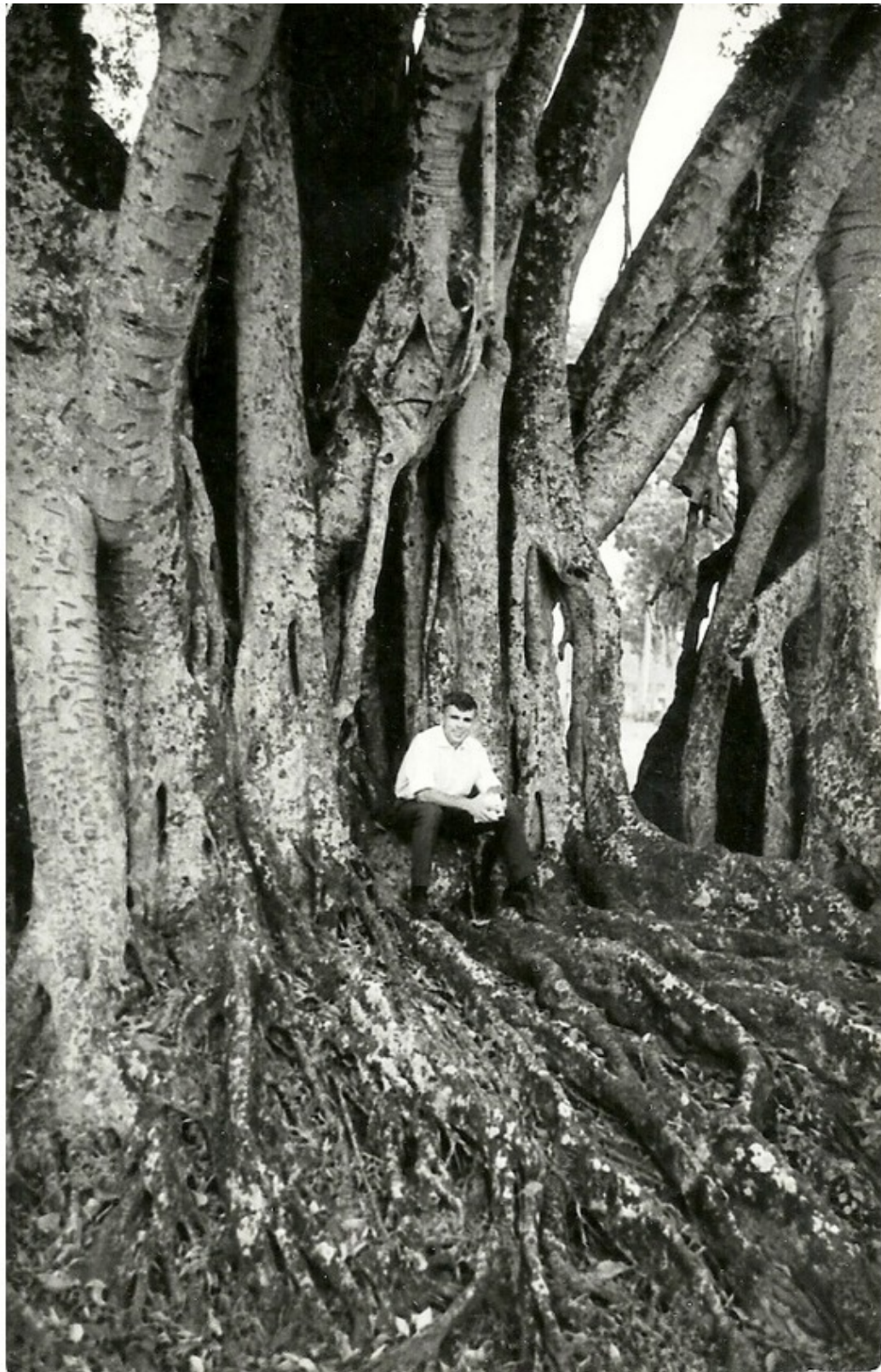
Что ещё вспоминается? Фантастические закаты. Мы жили на вилле, расположенной на краю огромного котлована (может, это был кратер потухшего вулкана), и из окон нашей комнаты был виден его противоположный, зубчатый край, поросший редкими пальмами. По вечерам, заходящее за тот край солнце зажигало облака дикими, пылающими красками. В небе начиналась настоящая цветовая феерия: лучи солнца сполохами пробивались сквозь облака и быстро угасали, меняя их окраску прямо у нас на глазах, поражая воображение необыкновенными сочетаниями цветов. А через мгновение всё уже кончено – небо заливают густая чернота, сквозь которую тут же начинают посверкивать не по-нашему крупные звезды.

Помню, была масса всяких диковинных деревьев: пальмы, стройными рядами окаймляющие улицы, бамбуковые заросли, банановые рощи. Перед виллой росла огромная магнолия с кроной твердых, блестящих листьев. И вдруг, в один прекрасный день, дерево покрывается сплошной шапкой белых цветов, да так густо, что ничего кроме них не видно и только тяжелый, одуряющий запах бьет в нос.

Цветущая магнолия

Помню также гигантские фикусы, серыми великанами возвышавшиеся над всем остальным. Их жилистые корни, переплетаясь, вылезали из земли, образуя нечто вроде гrotтов, в которых можно было укрыться от дождя.

Под сенью гигантского фикуса

Помню тропические ливни, с потоками воды на улицах, все сметавшими на своем пути. Помню силуэты далеких сопок на горизонте. Как-то раз мы отправились на экскурсию в кратер потухшего вулкана с романтическим названием «Перевернутая Лодка». С ним была связана какая-то легенда о трагической судьбе двух влюбленных... Мы спустились вниз по довольно

отвесной стене и оказались в небольшом котловане, в центре которого булькала покрытая белыми испарениями грязно-бурая жижа. Подумать только, ведь в любой момент вся эта грязь могла взлететь в воздух и поглотить нас...

Помню бесконечные рисовые поля, разбитые на склонах зеленых холмов, и тихое, неумолчное журчание воды, перетекающей из одной террасы в другую. Незадолго до отправки на Родину я жил на острове *Мадура* и от нечего делать много гулял, исследуя окрестности. Белого человека там побаивались и на пути мне почти никто никогда не попадался. Бывало, мелькнет впереди, в зарослях тростника, тень аборигена и снова нет никого. А вокруг – безлюдье, тишина, и только стрекот невидимых насекомых в воздухе, да плеск воды. И безумно голубое, необъятное небо над головой...

На острове Мадура перед отбытием на Родину

Конечно, было много и всякого другого. По прошествии пяти месяцев моего «пребывания» на Яве, у меня вдруг забарахлил желудок. Каждый день, где-то к полудню, начинались странные ощущения, будто кто-то царапает в животе. Стоишь на занятии в классе, переводя объяснения специалиста, а в голову всякие мысли лезут. И сразу захотелось домой. Помню, как в перерывах между лекциями я уединялся в туалете и сидел там, пережидая боль.

Наши подопечные

Ну, а потом, обратился к нашему врачу и тот предложил отправить меня досрочно домой. А я, ни с того, ни с сего, взял и согласился. Наш куратор предупредил, что это «может отрицательно сказаться на моей дальнейшей карьере переводчика», но я не придал этому значения. Зато потом не раз вспоминал его слова, безуспешно снова оформляясь за рубеж.

Мою просьбу удовлетворили, и в августе 1963 я покинул Индонезию на борту теплохода «Моисей Урицкий». Это было шикарное плавание. Кормили нас отменно, делать ничего не надо было, а вокруг бескрайнее море с всякими там летающими рыбками, дельфинами, островами и штормами. Это было мое первое знакомство с океаном. Мы прошли по Китайскому и Японскому морям, никуда не заходя, миновали остров Окинава, где нас сопровождал американский военный корабль, и на пятые сутки прибыли во Владивосток. А оттуда поездом я *целую неделю* через всю матушку Россию добирался до Москвы.

2. Бегство в Египет

В Египет я отправился один (жена должна была приехать позже) и в этом был свой *кайф* – быть полностью предоставленным самому себе. Преодолев к концу перелета страх высоты, я с жадностью вглядывался в стремительно приближавшийся край африканского континента, теснившего к краям иллюминатора аквамарин Средиземноморья и лазурь небес.

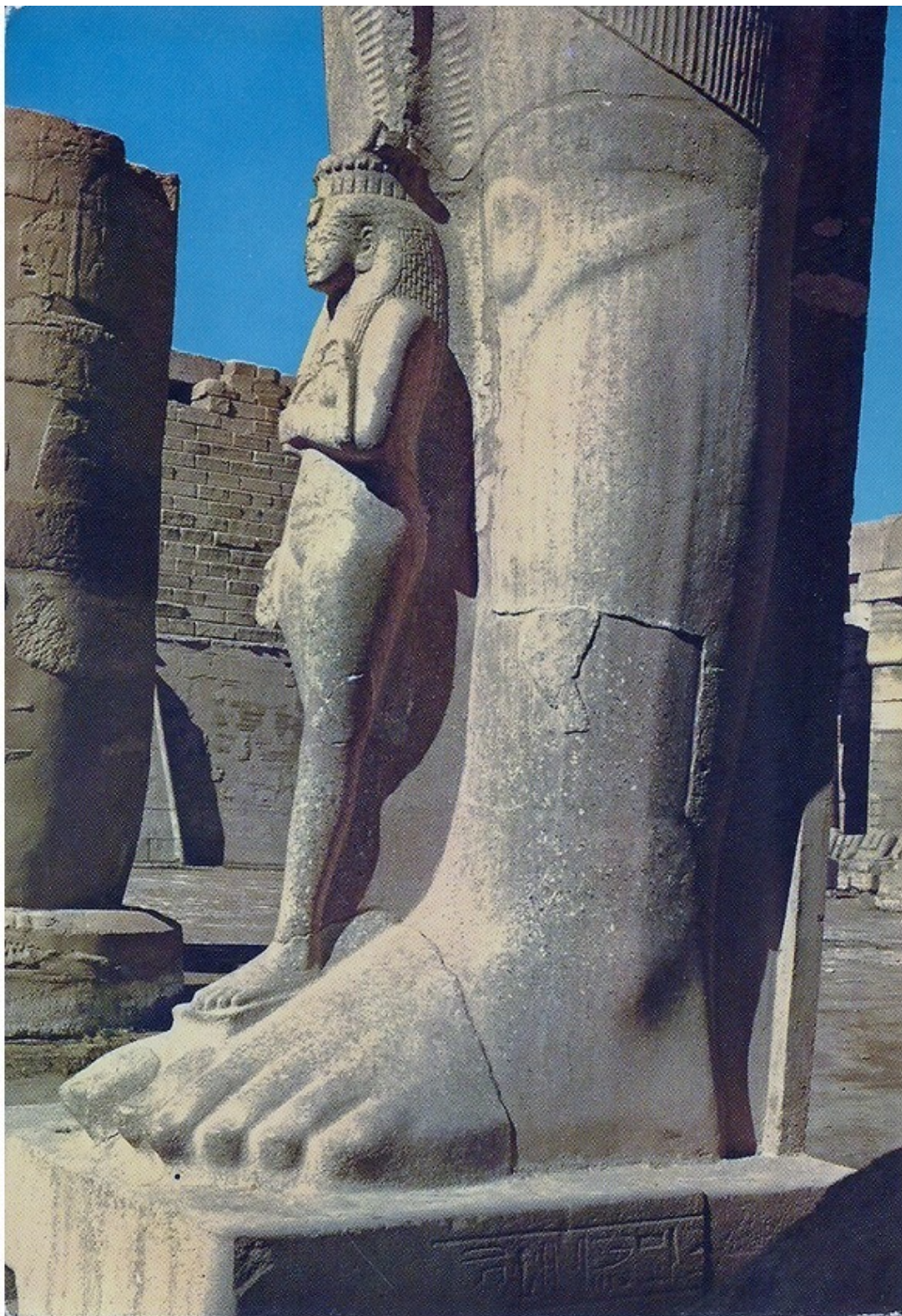
Помню, меня поразила неожиданная смена колорита. Бирюзовый цвет моря в одночасье сменился на зеленый прибрежной полосы с ее лоскутным одеялом зеленеющих полей и коричневыми наростами мелких селений, а затем – на желтый пустыни, разграфленной темными линиями асфальтовых дорог. А потом в иллюминаторе возник Каир. Он был похож на гигантский лабиринт, составленный из тысяч плосковерхих многоэтажек, рассекаемых лучами бульваров и улиц. С высоты птичьего полета город казался вырезанным из цельного куска глины. «Боже, какой огромный», – подумалось мне, – «и какой древний»!

Помню свою первую ночь в Каире. Я один в номере, сам по себе. В открытое окно врывается разноголосица ночного города: резкие клаксоны автомашин, гортанные крики ночных торговцев, пронзительные звуки арабской музыки, несущейся из лавочек внизу. Этот неумолчный гомон, не утихающий ни днем, ни ночью, дает, в сочетании с ароматами восточной кухни, сигарет и многого другого, тот ни с чем несравнимый колорит Востока, который сразу же узнается, будь то Индия, Египет, или (бывшие) наши азиатские республики...

Потом было путешествие в Асуан. Поезд тащился вдоль Нила мимо торчащих из песка пирамид и желтой, уходящей вдаль пустыни. И вот я в Асуане. В окне автомобиля, уносящего меня в поселок гидростроителей, мелькают грязно-белые, отштукатуренные домишки, лавчонки, и через мгновение дорога мечется между барханами пустыни. «Боже, какая дыра»! – пронеслось в голове, пока я ехал по городу. «Да, это просто край света»! – отозвалось в мозгу через несколько минут снова, когда мы выехали за его пределы. Так оно и было: дыра и край света.

Поселок строителей – место, отвоеванное человеком у пустыни, и поэтому он производит впечатление некоего форпоста. Посередине – ровные ряды двух- и трехэтажных домов-бараков с вместительными лоджиями и связками сантехнических труб, бегущими по стенам снаружи, а по краям – асфальтовое шоссе, словно магическим кругом отделяющее жилье от бескрайнего хаоса песка. Между домами – газоны пожухлой травы и, то тут, то там, фигура араба, склонившегося над ней в белой чалме и галабее. Тишина, неукротимость солнца и необъятность уходящего за горизонт неба.

Мне, как человеку, прибывшему на стройку «без семьи», выделили комнатенку в общежитии, выдали белье, дали какие-то кастрюльки и оставили с миром: мол, располагайся пока. На следующий день повезли в главный офис – знакомиться. Соратники по ремеслу встретили меня сдержанно: проявлять эмоции здесь было не принято. В комнатке стояло три или четыре железных, асфальтового цвета стола, на которых красовались немецкие «Оптимы», что меня приятно поразило. Начальник – бодрого вида старикан с немецкой фамилией «Арнгольд» – был немногословен и как-то отстранен, словно говоря, «Ну, что тебе объяснять, сам все поймешь со временем». Тут же для проверки мне подкинули пару писем на перевод, и сразу выяснилось, что хоть в технике я ни «бэ», ни «мэ», в языке, все-таки, кое-что смысло. В результате меня включили в группу по переводу Генерального Отчета, а это означало, при прочих равных условиях, занятость до конца строительства. Впрочем, этого я тогда не просек.

Супруга (одна из) Фараона

И начались мои переводческие «будни» на Саад-эль-Аали, как по-арабски величают Высотную Асуанскую Плотины (ВАП). Шесть раз в неделю (кроме пятницы, когда у арабов выходной) по холодку нас возили на машине в контору; в полдень, сквозь стену знойного воздуха, мы мчались назад в поселок на обед, а после обеда – снова на работу до 5—6 вечера.

В группе переводчиков нас было трое: Почковский, Невоселов и я. Почковский, маленький, постоянно надутый от собственной важности мужичок, был здесь старожилом. Он был старше нас, к тому же «москвич», а стало быть, приближенный к местной «элите». Мне он сразу дал понять, что не потерпит никакого «амикошонства». Вначале он меня, как бы, вообще не замечал. Потом, после нескольких стычек на почве перевода, наши отношения перешли в открытую неприязнь. Витя Невоселов был более общительный, но в «душу» не лез. Это был парень крепкого телосложения, хотя и не очень приятный на вид: маленькие, глубоко сидящие глаза и длинный нос делали его лицо похожим на свиное рыло. Поначалу мы с ним ладили, и даже нашли общий язык на почве наших занятий йогой, но потом, как водится, все пошло вкривь и вкось. Так, что, жить было можно. Главное, не надо было мотаться со спецами по эстакаде под палящим солнцем, или сидеть в каком-нибудь управлении в ожидании «вызова» на переговоры. И все бы хорошо, не случись со мной неприятного казуса в самом начале моей асуанской жизни. Впрочем, иначе и быть не могло. Такова уж моя планида.

А дело было так. Одним из первых «переводяг», с которыми я познакомился, был Володя (Вовик, как его звали в «народе»), парень года на два-три младше меня. Он тоже был питерский, и мы с ним как-то сразу сошлись. Я как-то пригласил его к себе отметить приезд бутылочкой водки и краюхой черного хлеба, привезенных мной из Союза, а он познакомил меня с отличным местным пивом «Стелла». В Вовике была масса обаяния. Он, что называется, был «свой в доску», а мне это тогда ой как надо было. Так я прожил до Дня Советской Армии, моего первого праздника на чужбине.

В тот день, вечером, в местном доме культуры собрался весь наш строительный «бомонд». Вдоль стен были расставлены столы (чтоб было место для танцев), на столах стояли закуски местного приготовления и черные бутылки арабского бренди. Мы, переводяги, сидели за своим столом, т.к. здесь «всяк сверчок знай свой шесток», потягивая пивко (а кое-кто и водочку) и перемывая косточки местному начальству и его прихлебателям. Начальство сидело «в обнимку» со своими арабскими коллегами, «итээры» тоже сами по себе расселись поближе к сцене, а вокруг со всех сторон – работяги с женами (у кого есть). На столах – то тут, то там – сверкнет меж темных снарядов арабского бренди прозрачным блеском бутылка «Столичной». Пока Вовик объяснял мне «who есть кто», я заметил одну «сексапильную» блондинку («крашенная, конечно»), с неприступным видом восседавшую в начальственном крыле. Меня особенно поразила неестественная беломраморность кожи её лица. Оказывается, это была первая красавица стройки, жена инженера А.

– А он, что же, из «тех»? – спрашиваю я.

– Да, говорят, дальний родственник Иосифа Виссарионовича. По линии жены, – сообщает Вовик.

– А жена у него ничего.

– Ничего-то ничего, да не про твою честь.

– А что, кусается?

– Ещё как. Видишь того плюгавенького с ней рядом?

– Ну.

– Это наш гэбист главный, за ней увивается.

– А муж?

– Муж – ничего, терпит, они, ведь здесь уже четвертый год сидят, и ещё столько же смогут.

– Четыре года в этой дыре! Чего ради?

– Жадность, Валя, жадность и комфорт. – (Почему ему нравится называть меня «Валей»?). – А потом, они же каждый год домой в отпуск ездят. Или в Александрию.

«Да, вот кто здесь настоящие хозяева», подумал я. «Живут себе и не боятся, что их выпрут. А я здесь, всего лишь, холуй, шестерка.» Мне, вдруг, захотелось взглянуть на эту жен-

щину поближе. Концерт самодеятельности закончился и на полную мощность врубили музыку, как бы давая понять, что подошло время танцев. Арабы в сопровождении начальства и старшего переводчика потихоньку потянулись к выходу. А что, если пригласить ее? Ведь, не откажет же? Я хлопнул для храбрости пару рюмок местного бренди и направился к их столу. Подхожу, приглашаю. За столом общее смятение, все вылупились на меня, как на инопланетянина, но молчат. Дама тоже молча встает, и мы идем в центр, и начинаем танец. Из динамиков несется мощное why, why, why Delilah! Тома Джонса. Я чувствую (или мне показалось), что она прижимается ко мне животом, а её нога то и дело оказывается между моими. Чтобы как-то привести себя в чувство, отпускаю ей комплимент по поводу белизны ее кожи.

– Вы всегда такой храбрый, – слышу я в ответ, – или только в подпитии?

Потом объясняет мне, что она днем вообще на улицу не выходит: сидит дома в маске из крема.

– Даже ставни не открываю, пока солнце не зайдет.

– А как же магазины, покупки и вообще, – выражаю я свое недоумение.

– Ну, на это есть слуги, – шепчет она мне на ухо, на что я отвечаю глупой понимающей улыбкой. Танец закончен, я веду ее к ее столу.

– А можно я вас ещё раз приглашу?

– Нет, лучше не надо. Для вас лучше, – добавляет она и чуть заметно пожимает руку, как бы давая понять, что пора и честь знать. Но я не слушаюсь, я уже в трансе, я не отпускаю ее и иду вместе с ней к столику.

– Если не согласитесь, – шепчу я ей, – я на колени встану. При всех.

Она останавливается, молча смотрит на меня, потом берет меня под руку, и мы возвращаемся в центр и через мгновение уже «кружимся в вихре вальса». Но, видимо, у меня это очень хорошо получается, потому что в следующее мгновение я оказываюсь в компании Вовика, который, крепко сжав меня в объятиях, ведет к выходу.

– Ты, что, с ума сошел, – слышу я его голос, – Куда тебя понесло?

Мы идем по темной аллее по направлению к дому.

– А что? – отвечаю я, обнимая его за талию, – что-нибудь не так?

– Ты пойми, это не для нас, завтра же рога обломают.

– А ты где был? Я на тебя так надеялся.

И вот, мы уже в комнате, и он пытается раздеть меня, усадив на кровать. Для виду я ломаюсь, но это приятно! Приятно чувствовать, что тебя раздевают, подчиняться этим сильным рукам, которые тебя поворачивают, снимают с тебя одежду, делая таким голым и беззащитным. Я чувствую, что давно хотел этого. Мне приятны прикосновения рук Вовика, который стаскивает с меня рубашку, ботинки, носки, брюки.

– А это? – говорю я, указывая на трусы, – я, что, сам должен?

Вовик выпрямляется, смотрит на меня, потом поворачивается и идет к выходу.

– Ну, я пошел, – говорит он сдавленным голосом.

– Нет, стой, – капризным тоном заявляю я, – ты должен раздеть меня, как полагается. Я не хочу, чтобы ты уходил так.

Он стоит у двери и смотрит на меня, улыбаясь.

– Ну и б-ища же ты, – слышу я в свой адрес. – И до чего же хороша, – добавляет он, подходя ко мне и на ходу стягивая с себя джинсы.

– Значит, по-твоему, я, что – баба? – кокетливо оскабляясь, отвечаю я и, пододвинувшись, даю ему место рядом.

– А кто же, – хрипло говорит Вовик и, склонившись надо мной, начинает гладить грудь, сжимая и пощипывая соски, потом переходит на живот, потом его рука проскальзывает мне под трусы и стискивает в кулаке мой член.

– Да, сними ты их, – выдавливает он из себя, и я с готовностью сдергиваю трусы и всем телом подаюсь к нему навстречу. Он приникает ртом к моим губам, и мы целуемся враскос со страстью, которая мне до сих пор была неведома. Одновременно он массирует мне анус, засовывая палец в задний проход. Я вдруг понимаю, что хочу ему отдаться, что это очень приятно быть во власти другого мужика. Вовик тоже видит, что желание распирает меня и, подмяв под себя, задирает мне ноги, пытаюсь вонзить свой член мне в анус. Но он слишком большой, и ему это не удастся. Я чувствую резкую боль и выворачиваюсь из его объятий.

– Мне больно, – кричу я, – давай, я лучше в рот.

– Но ты же хочешь, – разъяренно шипит мне в ухо Вовик, – ты же сама меня привела к себе, сама, сама... («надо же, он ко мне, как к женщине», мелькает в мозгу, и я проваливаюсь куда-то в тартарары). Я чувствую, как его член тычется мне в задний проход, и с удивлением отмечаю про себя, что хочу его, хочу этой боли, этой грубости, Я хочу, чтоб он был во мне, я сам раздвигаю руками ягодицы, чтобы он вошел. Но он не входит. Зад у меня весь в огне и тут, вдруг, я слышу чей-то голос – не то свой, не то ещё кого, – который долбит мне в ухо: «Зачем тебе все это»? И я сразу трезвею, мне становится отвратительным все, что со мной происходит. Я сбрасываю Вовика с себя и говорю: – Всё, Вовик, уходи. Не хочу больше.

Вовик поднимается и стоит, возвышаясь надо мной; член его, что называется, «падает» у меня на глазах. Потом он надевает джинсы и рубашку, берет в руки ботинки и на цыпочках выходит из комнаты.

На следующий день (на мое счастье это была пятница, то бишь, выходной по арабскому календарю), провалявшись полдня в постели в тяжком похмелье, я, наконец, встаю и сразу же чувствую жуткий дискомфорт в заднем проходе: как будто мне вбили кол в анус. Значит, все это было на самом деле? Значит, я педик? Я представляю в деталях вчерашнюю сцену, и мне становится тошно. Как мог я докатиться до такого? Валяться в постели с парнем и при этом ещё так возбудиться?

Я не мог припомнить случая, чтоб меня когда-нибудь тянуло к мужчине. Правда, бывали эпизоды «на грани», но до настоящей близости никогда не доходило. Были у меня и друзья, которые меня просто обожали, но, чтобы так грубо «домогаться» – нет, такого, пожалуй, не было. Или, может, я просто не замечал? Мне вспомнилась моя «дружба» со школьным товарищем Колей В., его «откровения» при совместном просмотре иллюстраций с зарисовками женских гениталий, которые иногда заканчивалась обоюдной мастурбацией, *ну и что?* Были, правда, и другие случаи. Однажды, ещё в юности, меня чуть было не совратили на пляже. Я тогда впервые почувствовал себя таким же «беспомощным». Я лежал в уединении, предаваясь рукоблудию, и очень испугался, когда около меня, вдруг, откуда ни возьмись, оказался человек: плюгавенький такой, помню – ничего особенного, – что, впрочем, и спасло меня. Он свалился на меня, как коршун, и сразу рукой потянулся к моему члену.

– Дай, говорит, я тебе помогу, ты не так все делаешь.

И вот тут я растерялся. Мне бы его шугануть: я, ведь, легко это мог сделать, потому, что был намного здоровей его. А я, вместо этого, начинаю чего-то мямлить: что, мол, не надо, неудобно, люди смотрят. А ему, видимо, только этого и надо было. Он, недолго думая, схватил меня за член, а другой рукой гладит всего, и только слышу, приговаривает: «Какой хороший, какой приятный...», и я чувствую, что ничего с собой сделать не могу – нет сил сопротивляться! Лежу себе и позволяю себя ласкать. Хорошо, что нас спугнул тогда кто-то: вырвался я и – деру. Был ещё в Индонезии забавный случай. Одно время мы жили в одной комнате с Сашей, моим однокашником по университету. Как-то раз, не то на Первое, не то на Девятое мая, состоялся у нас на вилле большой сабантуй. Было много начальства и вино лилось рекой. Саша здорово наклюкался и тотчас принялся ухлестывать за женой нашего военатташе. Это дело надо было пресечь, потому что последствия могли быть непредсказуемы. Подходит ко мне наш «куратор» и тихо советует мне его немедленно увести. После долгих уговоров,

мне это удается. Я притащил его в нашу комнату и принялся раздевать. И вот тут началось. Он не дается, а я настаиваю, снимаю с него гимнастерку (мы были одеты в местную военную форму), расстегиваю брюки, хочу расшнуровать высокие армейские ботсы, а он ни в какую. Не дается. Принялись мы бороться, хохочем оба, потом мне все-таки удается его разуть, я стягиваю с него брюки и иду к двери, чтобы закрыть ее. В это время он швыряет в меня военный ботинок, тяжелый такой. Метил в меня, а попал в шкаф, прямо в зеркало, которое с грохотом разлетается на части. Тут мы сразу трезвеем – это, ведь, ЧП. Думали, отправят домой, жутко перепугались. Но ничего, обошлось. Я, правда, через три месяца уехал: комиссовали по болезни; а он, ничего, проработал год, привез в Союз машину...

...В этот день я с трепетом ждал встречи с Вовиком: надо было сразу поставить все точки над «и», чтобы в дальнейшем не было недомолвок. Так, мол, и так, это была просто пьяная оргия. А главное, надо было выведать, что же я там натворил вчера. Вовик появился только к вечеру: ездил в бассейн, где у него была группа детей, занимающихся плаванием (он ещё, к тому же, был кандидат в мастера по плаванию). Вид у него был свежий, цветущий. Видя мое страдальческое выражение на лице, он вытащил из пакета бутылку бренди и связку бананов.

– Да ты, я вижу, весь день страдаешь, – заметил он, обдав меня обезоруживающей улыбкой, и я понял, что никаких объяснений делать не надо и что все, как бы, забыто. И сразу стало легче. Выяснилось, что моя выходка на вечере произвела должный фурор, но что, в общем, все обойдется. Мы выпили, я признался ему насчет «кола» в заду, на что он мне резонно заметил, что я сам виноват: *вел себя не по-мужски*. На этом разговор и закончился. Потом, когда приехала жена, Вовик стал, как водится, в этих случаях, другом семьи, но больше я его к себе не допускал: да и не было в этом необходимости.

На работе мне действительно был сделан серьезный «втык» и ни кем-нибудь, а главным кэргэбэшником строительства, тем самым, что сидел за одним столом с той, на ком остановился мой выбор. Он заявился к нам в комнату на следующий день и, попросив моих коллег удалиться, устроил мне разнос «тет-а-тет». Предупредил, что, если это ещё раз повториться, придется меня «отправить». «Пить можно, но только дома», – сказал он мне на прощание. – «И так, чтобы никто не видел и не слышал».

Некоторое время я был, что называется, тише воды и ниже травы: усердно трудился в офисе, вникал в суть, а по вечерам зубрил арабский. Вовика обходил стороной. Так продолжалось месяц. Потом приехала жена, нам дали отдельную квартиру, я стал полноправным (в известных пределах, конечно) членом асуанской «колонии».

С приездом Л. в Асуан многое изменилось. Жизнь вошла в привычную колею с той лишь разницей, что теперь не надо было думать о том, как дожить до полочки. Здесь, впервые за четыре года нашего супружества, я почувствовал себя «добытчиком». И тут же попался в очередную ловушку («Лев боится попасть в ловушку», как сказала мне однажды моя Е. А. М.). Я начал копить.

Не знаю, жаден ли я по натуре, но скупердяем я сделался определенно в Асуане. Там, правда, все копили: кто на что. Вот и я, тоже, стал копить «пиастры», правда, без каких-то определенных планов: так, просто жалко было тратить валюту на «всякую ерунду». На этой почве у нас с Л. часто возникали ссоры – для нее походы в магазины были единственным развлечением, которого я ее лишал. А почему? Ответ все тот же: из-за нежелания мириться с ролью отвергнутого самца. Я думаю, именно скопидомство и отвернуло ее от меня.

Мы перестали спать вместе, и я снова стал впадать в тихое безумие онанистических экстазов.

Удивительно, все-таки, устроен человек! Вот, рядом есть женщина, не дура и собой хороша, а он предпочитает мастурбацию. Гляжу сейчас на фото тех лет и диву даюсь: как это я не видел всех ее прелестей тогда? Где мои глаза были? Ведь я же был нормальным мужчиной, я хотел женщин, а эту не хотел и ничего не видел. Я только знал, что дома со мной живет

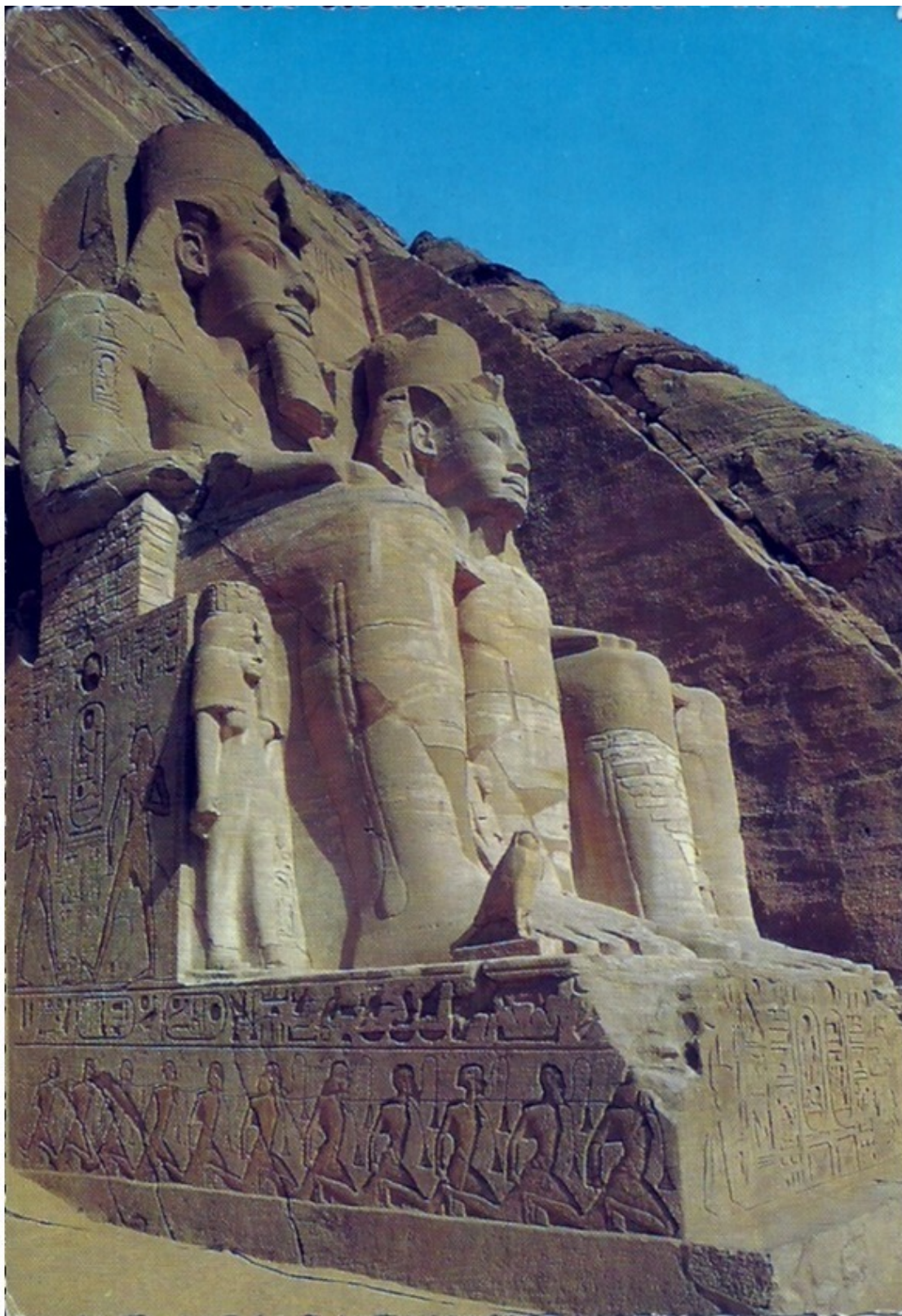
не любимый мне и не любящий меня человек. И все тут. Помню, однажды напился и, придя домой, завалился на кровать и в бессильной ярости стал биться головой об стену, выкрикивая при этом: «Хочу ребенка! Хочу ребенка!» А нужен ли мне был тогда ребенок? Или, может, я страдал оттого, что от меня не хотели иметь ребенка? Понимал, наверно, что не только я, но и меня обманывали, что Л. жила со мной только потому, что другого выхода не было, мирясь с моим душевным холодом и безразличием.

В отличие от большинства «жен специалистов» Л. была «с языком» (она только что закончила курсы английского языка), и поэтому очень скоро устроилась на работу переводчиком в контору на треть ставки (таково было общее положение для «жен специалистов»). Она стала работать «на себя», что заметно улучшило наше материальное положение. Л. тоже повеселела. Три месяца прожила она здесь, изнывая от безделья и скуки. Из знакомых у нее была только одна медсестра (как оказалось, любовница Вовика) и ещё пара жен, с которыми она общалась, сидя либо в зашторенной от жары комнате, либо на лоджии, если позволяла погода, и переминая косточки местных «знаменитостей». Весной здесь свирепствовал «хамсин» – от арабского слова «пятьдесят», – страшный ветер, который дул, с перерывами, пятьдесят дней подряд, неся из окруживших нас пустынь вихри раскаленного воздуха и песка. Теперь же она каждый день ездила в контору, общалась с итээровскими работниками, принимала комплименты от арабов, попивая на переговорах вкусный арабский кофе. Так уж вышло, что ее лучшей подругой стала жена начальника одного отдела Вера Грушина. Мы стали ходить друг к другу в гости (большей частью мы к ним, т.к. у них в квартире был настоящий кондиционер и вообще, полный комфорт во всем), и вместе ходили в кино, сидя по вечерам перед началом киносеанса за бутылкой пива на открытой площадке дома культуры. Короче, мы стали дружить «домами»! Грушины были большими гурманами, регулярно покупали свиную или говяжью вырезку (вернее, заказывали купить слуге!) и готовили отменные шашлыки и ростбифы. Мы приходили к ним с вином или пивом, и начиналось настоящее застолье. Включались отличные записи *Хэмптердинка* и *Тома Джонса*, – тогда они были в моде, – вино лилось рекой, произносились какие-то дурацкие тосты, рассказывались анекдоты. Потом мы танцевали под шлягеры знаменитых певцов. Я чувствовал, что Вера заметно ко мне «теплеет»: с каждой новой встречей она становилась все приветливей и «доступней», позволяла обнять ее во время танца и вообще, не пресекала моих «чувственных» порывов.

Дома установилась холодная, деловая атмосфера. Мы почти перестали заниматься сексом, но меня это уже не бесило, как прежде. У меня появилось новое увлечение – фортепьяно. В нашем местном доме культуры стоял инструмент и я, чтоб как-то скрасить свое безрадостное, как мне казалось, существование, стал упражняться на нем, вспоминая то, что выучил когда-то в музшколе. Что оказалось, как нельзя, кстати, т.к. наш основной пианист-затейник как раз намыливался в Союз, и местный джаз-банд оставался без руководителя. Это место предложили мне, и я с энтузиазмом принялся за дело. Наш оркестрик с успехом выступил на каком-то празднике и с того момента стал неотъемлемым атрибутом всякого «мероприятия».

И все-таки, несмотря на все мои ухищрения, время никак не хотело ускорять свой ход. Я пытался «убить» его, изучая арабский, читая периодику из местной библиотеки (там я откопал Новый Мир за 1963 год с ранними рассказами *Александра Исаича Солженицына* и очень странную книгу о египетской магии на английском языке) и журналы Time и Newsweek, собирая из них примеры американских неологизмов. Купив прекрасное пособие по йоге на французском языке, я увлекся *асанами* и дыхательными упражнениями, благо дома места было предостаточно. Но, увы, мне от них не было никакой пользы, т.к. освобожденная энергия тут же истощалась в попойках и онанистических оргиях. Я пытался писать, но почему-то ни на чём не мог сосредоточиться. Я «зациклился» на себе и ничего не видел вокруг. Подумать только, ведь, я находился в одном из очагов зарождения человеческой цивилизации. И не понимал этого! Сколько интересного проскочило мимо!

Вверх по течению Нила (вернее, огромного водохранилища, которое образовалось перед плотиной) стоял храм *Абу-Симбел*, за несколько лет до начала стройки перенесенный «по кирпичику» на более высокую отметку, дабы не быть затопленным водами поднимающегося Нила.

Фараоны Абу-Симбела

Между старой и новой плотинами стоял «по колено в воде» великолепный по красоте храм богине *Изиде* (сейчас его тоже перенесли «на сушу»), до которого тоже можно было добраться только «вплавь».

Храм Изиде до его переноса на сушу

Мы подошли к нему на буксире со стороны старой плотины. Вначале глазам открылся портик гипостильного зала с рядом стройных, уходящих в воду колонн, затем мощная стена портала главного входа. Высадившись на площадке, не затопленной водой, мы побродили у стены портала, с интересом рассматривая выщербленные руками христианских фанатиков (?) горельефы, изображающие древних египетских царей.

Я с женой на фоне горельефов храма Изиде, частично выщербленных поздними фанатиками

Впрочем, я не уверен, что это были первые христиане, изгнанные в Асуан правоверными иудеями. Это могло произойти гораздо раньше!

Известно, что в истории Древнего Египта произошел, по крайней мере, один мощный «революционный» переворот. Его совершил фараон 19 династии Аменхотеп IV, известный под именем *Эхнатон*.

Этот фараон, который считался еретиком и отступником, был на самом деле великим религиозным реформатором. Вступив на трон, Эхнатон («слуга Атону» – солнечному диску), сменил многобожие фиванских жрецов на поклонение единому божеству, да ещё в таком необычном виде, как диск. С таким же успехом можно было создать культ треугольника! Более того, он стремился к полному уничтожению священного имени его отца «Аменхотеп», выбивая его из царских картушей, и сбрасывая связанные с ним скульптуры сфинксов. (Не те ли сфинксы стоят на берегу Невы напротив здания Академии Художеств?). Позднее Эхнатон провозгласил Атона (солнечный диск!) единственным богом Верхнего и Нижнего Египта, а также Сирии и Нубии. В отличие от поклонения различным животным, культ Атона был поклонением солнцу и совершался на восходе. И храмы Атона тоже были другими: они были открытыми, чтобы молящиеся могли тут же на себе почувствовать живительное тепло восходящего светила. Здорово! Как это современно! Что может быть более священным, чем наша звезда, источник всякой жизни на Земле!

Чтобы окончательно порвать с жрецами, Эхнатон приступает к строительству нового города Ахетатона («Небосклона Атона»), который расположился на месте современной Тель-Аль-Амарны. Новая столица должна была, по замыслу царя, затмить своей роскошью всё, что было построено до нее. Возведенный город, с его роскошными дворцами вельмож, храмами и садами, был объявлен «землей Бога Атона». Архитектура и живопись всеми средствами старались утвердить новый культ. Если до него храмы служили местом устрашения человека, то теперь они внушали радость и религиозный восторг. Искусство т. н. «амарнского» периода тоже резко отличалось от всего, созданного ранее: оно поражало (и поражает сейчас!) своим удивительным реализмом! Удивительны и изображения самого Эхнатона.

Фараон Эхнатон

Перед нами живой человек, со всеми особенностями его внешнего облика. Во-первых, лицо – просто лошадиная морда какая-то! Но чем больше вглядываешься, тем труднее от него оторваться. Узкие, монголоподобные глаза, высокие щеки, длинный нос, мощный набалдашник подбородка, выпяченные, резные губы, и все сработано так гениально, что кажется, будто он

сейчас с тобой заговорит! Далее, его фигура: Эхнатон – явный гермафродит! У него женская грудь, широкие бедра, затянутый жирком животик. И какая-то изнеженность во всех его движениях и жестах. И его жена Нефертити – ему под стать. Её скульптурный бюст с одним глазом без зрачка – вершина зодчества, непревзойденная доселе...

Супруга Эхнатона, Царица Нефертити

Да и в самом Асуане, тоже, можно было при желании найти много интересного. На выезде из города были когда-то (веков, так двадцать пять тому назад!) древние каменоломни. Говорят, отсюда поставлялись блоки для строительства пирамид в Гизе. Здесь и сейчас можно было увидеть огромный монолит, наполовину высеченный из песчаника: работы были приостановлены из-за расщелий его трещины. По другую сторону Нила находились пещёры первых христиан, скрывавшихся здесь от гонений римлян (?) или иудеев (?) – этого я не знаю. Дальше, вниз по течению Нила, стоят великолепные и загадочные храмы *Комомбо*, *Идфу*, ну и, конечно, древних Фив с ее Долиной Царей, Колоссами Мемнона и потрясающе современным дворцом египетской царицы *Хатшепсут*. А ещё дальше вниз, рядом с Каиром – Великие Пирамиды и Сфинкс. Сколько было интересного вокруг, сколько такого познавательного! Но, увы, для меня это были всего лишь камни!

Да и сама Асуанская плотина: вот уж, поистине, уникальное сооружение, вполне достойное этой необыкновенной страны! Во-первых, сами ее размеры (ширина плотины у основания почти километр, а кверху она сужается до сорока метров, высота – 110 метров). Она, словно гигантская складка, вспучила землю на пути величавой реки. Во-вторых, строительство плотины тоже поражает воображение. Для создания противофильтрационной завесы в плотину были засыпаны сотни тысяч тонн гравия и грунта, а потом, для укрепления ее, в теле плотины пробурили сотни скважин, в которые закачивали (?) жидкое стекло. Затвердевшие стеклянные стержни уплотняли грунт, делая плотину прочной, как скала. Это называлось инъекцией.

Строительство началось в 1960 году, когда был подписан договор о сотрудничестве. В 1964 году состоялось перекрытие Нила, во время которого *Н. С. Хрущев* и египетский президент *Гамаль Абдель Насер* вместе нажали на кнопку, взорвав перемычку и пустив нильские

воды по отводному каналу. Летом 1967 года Асуанская ГЭС дала первый ток, а в 1971 году строительство было завершено полностью. Так что, я, можно сказать, приехал туда уже «под занавес».

Высотная Асуанская Плотина

История Египта во все времена была тесно связана с Нилом. В античные времена Египет был чуть ли не единственной житницей Европы, поставляя зерно и другие продукты питания на европейский континент. Так что, *Страна Фараонов* была, с одной стороны, творением Нила, а с другой, апофеозом героического труда египетского феллаха-крестьянина. Воды Нила (до недавнего времени) несли с юга тонны *силта*, который оседая на прибрежных полях и пастбищах нильской Дельты, превращал их в плодородные земли. Египтяне ещё в древности научились управлять стихией воды, построив разветвленную систему ирригации. Это была упорная, не на жизнь, а на смерть, борьба с окружающей плодородную землю пустыней. Человек победил, но он сам так сильно прирос к земле, что страна, вытянутая вдоль Реки с юга на север, превратилась в единую пашню. И всё здесь зависело от капризов природы. Во время сильных паводков уровень воды в Ниле поднимался на несколько метров, приводя к разрушительным наводнениям в Дельте. Как писал в свое время римский историк *Плиний*, «если нилометр в районе Асуана показывает 12 *кубит* (кубит – около 60 см), на Нижний Египет обрушивается голод, если тринадцать, страна живет в достатке, четырнадцать – люди ликуют, ожидая рекордных урожаев, пятнадцать – наступает тревога, шестнадцать – бедствие в результате страшных наводнений». Воздвигнув ВАП, египтяне сняли с повестки дня эту вековую угрозу. Теперь паводок можно регулировать простым открытием затвора шлюза. Помню одну статью, особенно поразившую мое воображение. Она появилась в журнале *Time* по случаю десятилетия возведения ВАП. Воздав должное строителям, автор обрушился с критикой на саму идею перекрытия Нила. Ведь, что такое Нил, рассуждал он. Ведь, это, действительно, река жизни, ибо его воды несут и жизнь, орошая поля, и смерть, разрушая на своем пути все, что мешает их движению. Одним словом, божество, олицетворенное в стихии. Оседая на заливных лугах в дельте Нила, *силт* служил естественным удобрением для риса, а в Средиземном море был питательной средой для планктона, который, в свою очередь, служит пищей для рыб. Перекрыв Нил, мы (русские Дьяволопоклонники!) нарушили этот естественный баланс. Мы, как бы, оказали этой стране медвежью услугу. С одной стороны, укротив стихию Нила, мы спасли Египет от бедствий, порождаемых наводнениями и засухами. А с другой – нарушили естественный экологический баланс, существующий в этом регионе.

Ещё в тридцатых годах двадцатого века в нескольких километрах вниз по течению от Саад-ель Аали, англичанами была построена Старая Плотина, которая, по-видимому,

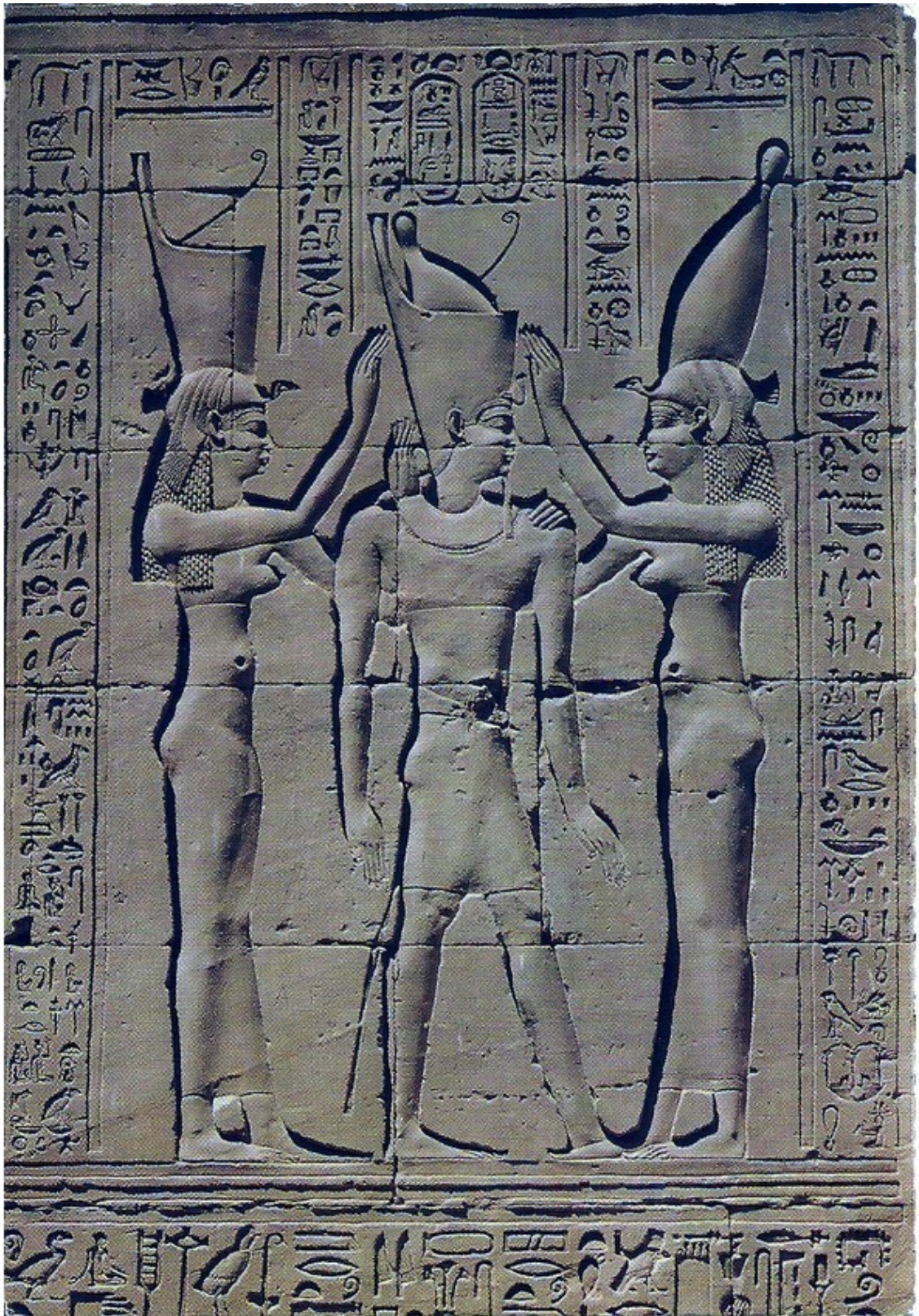
не препятствовала продвижению силта к Дельте. А теперь, когда перед огромной горой Новой Плотины возникло гигантское озеро, в него и оседал, теряя скорость, драгоценный силт, а дальше неслись потоки «чистой» воды, количество которой можно было регулировать простым поворотом затвора водосброса. Человек укрощает Природу, а Природа ему за это мстит. Тонны силта, оседая в водохранилище, заболачивают его, вода начинает цвести, рыбы, идущие на нерест в верховья Нила, не могут перебраться через плотину, огромная чаша водохранилища испаряет массу воды, меняя климат района. В районе Плотины стали выпадать дожди, и бедные нубийцы, которые испокон веков строили здесь свои глиняные хижинки без крыш, не знают что делать. В низовьях Нила начинают оседать берега, на заливных лугах меняется состав почвы и т.д., и т.п. В общем, экологическая катастрофа местного масштаба. Но тогда мы об этом не думали: экология была не в моде. Кроме того, тогда все спешили: нужно было успеть до начала очередной войны с Израилем. В том, что она будет, ни у кого сомнения не было. Арабы бешено закупали у нас оружие, израильтяне бомбили их ракетные установки на Красном Море, долетая чуть ли не до Асуана на своих *миражах* и *фантомах* (как там, у Иосифа Бродского: «Над арабской мирной хатой гордо реет жид пархатый»). Мы тоже жили в постоянном страхе, ожидая бомбардировок Плотины и поселка строителей и вместе с тем благоговая судьбу, что находимся в удалении от реального театра военных действий. Но ехать домой, в Союз, совсем не хотелось: лучше терзаться страхами здесь, чем жить на гроши там, на Родине. Ну и, конечно, все надеялись на наше, русское «авось»...

...Так я и жил, пребывая в «блаженном неведении» относительно страны, в которой обретался. Арабы в белых чалмах и просторных галабях, черные как уголь нубийцы, завывания муэдзина с минарета мечети, шесть раз на дню разносящиеся по поселку, рамадан с фигурами голодных людей, сидящих на земле с глазами, устремленными на закат: всё это было своего рода декорацией, на фоне которой развивались события, имеющие ко мне непосредственное отношение. И все это не трогало меня, не волновало душу. Я, как хамелеон, жил, меняясь, в зависимости от обстоятельств. Во-первых, я сам по себе, со всеми своими «делами». Затем, я и Л. и это было уже совсем другим измерением. Мы жили вместе, наши жизни слились в одну, но многое из того, что касалось меня лично, было Л. «до лампочки», а посему, не выносилось «на обсуждение». И многое из того, чем жила она тогда, мне тоже было безразлично. Были вещи, о которых я даже не догадывался. Мы жили по принципу «живи и не мешай жить другому», и надо сказать, это работало. В известных пределах. А теперь ещё, мы с Л. составляли некое единство с нашими новыми друзьями Грушиными. С ними мы «расслаблялись», сбрасывая на время табу, необходимые здесь в общении с другими. Наш контакт становился все теснее и интимнее, завязываясь в некую дружбу-любовь, отсутствие которой мы все так остро ощущали порознь. А дальше шел переводческий коллектив и вообще, «служебные отношения». Здесь царил дух соревнования и склоки, где желание выдвинуться, «отличиться», выросло из страха потерять то, что уже было «наработано». Что же касается других измерений – этнического, земного, и вообще, космического, – то здесь я вообще никак не проявился.

Начать с того, что у меня было начисто потеряно чувство Истории. Мне было наплевать на то, что происходило до меня, как и на то, что будет после моей смерти: главное – это то, что сейчас. Марксистский детерминизм мне всегда внушал отвращение. Фраза «свобода есть осознанная необходимость» не оставляла никакой надежды на личное счастье. Я где-то читал, что вся западная философия – всего лишь комментарий к Платону, но читать Платона я вряд ли бы стал: для этого нужно быть человеком другого склада. В отношении религии мой ум был вообще, что называется, *tabula rasa*. Я пару раз заказывал Библию в Публичке, но дальше Бытия дело не пошло: все остальное казалось пустым *обскурантизмом*, не нужным мне, как человеку. Учение Христа тоже казалось скопищем несуразностей, а главное, мне претил его безапелляционный тон: либо верь в Меня, либо пропадай: никакой тебе *свободы выбора*.

Так я и жил: не веря ни в Бога, ни в чёрта, но время от времени впадая в состояние тоскливого томления по чему-то потустороннему, далекому, не похожему на окружавший меня мир. Желание пробиться сквозь пелену неверия толкало меня то в церковь, то на изучение йоги, то в мистику трансцендентной поэзии. В один из таких периодов мне на глаза попала книжка по магии Древнего Египта: она пылилась здесь, в Асуане, на полке местной библиотеки. Когда я ее раскрыл, во мне что-то ёкнуло. Я вдруг понял, что это то, что мне нужно. Недолго думая, я сунул ее за пазуху и спокойно вышел из библиотеки. Впрочем, я был уверен, что здесь ее никто не хватится.

Дело в том, что меня уже давно мучил вопрос: что, все-таки, скрывается за всеми этими камнями и храмами. Я уже один раз съездил на экскурсию в Луксор, где нам показали знаменитый Карнакский храм, Колоссы Мемнона, дворец царицы Хатшепсут. Мы спускались в подземные склепы фараонов и знатных вельмож в Долине Царей. Все это было интересно, но, откровенно говоря, не произвело на меня большого впечатления. Многие из того, что я видел, было просто непонятно. Колонны гипостильного зала Карнакского храма, выстроившиеся в ряд, словно гигантские *фаллосы*, с перекинутыми между ними перемычками архитравов, давили своей (теперь, казалось, уже никому не нужной) мощью. Статуи фараонов, либо стоящих с символами власти, зажатых в скрещённых руках, либо восседающих в напряженных позах на своих каменных тронах, тоже воспринимались как нечто гротескное, раздражающее восприятие «нормального» человека. Для чего все это нужно было? К чему весь этот гигантизм, все эти символы, все эти росписи на стенах склепов, поражающие воображение смесью реализма и загадочной символики? Правда, в эстетическом отношении все это было на высочайшем уровне: просто в голове не укладывалось, что это было создано тысячи и тысячи лет назад. Я не мог налюбоваться изяществом форм, тончайшей проработкой фактуры монументов. Стоит где-нибудь у колена колосса маленькая изящная фигурка его супруги и столько в ней обаяния, жизни, такая смелость линий, в едином полете очерчивающих сложнейшие ракурсы изваяния, что, глядя на нее забываешь о том сколько столетий нас разделяют. Особенно поразили меня высеченные на стенах храмов горельефы

Горельеф на стене храма

.В этих, в сущности плоских, двухмерных изображениях нюансировка поверхности (расчитанная, по всей вероятности, на игру светотени) была доведена до такой степени совершенства, что очертания фигур проступали сквозь тончайшую кисею одежд, выявляя переходы мускулатуры, словно вуалью, скрытой от глаза. Луч солнца, скользя по поверхности, все время

менял соотношение света и тени, и от этого фигуры «дышали». Во всем этом было действительно что-то неземное, навсегда утерянное даже у древних греков. Книга, которая оказалась у меня в руках, ввела меня, впервые в жизни, в мир древних представлений. Я понял, что все эти памятники никак нельзя рассматривать, как произведения искусства. Никакое это ни искусство, сказал я себе, это, прежде всего, тайнопись. Это своего рода язык, в котором жест, пропорции, цвет и пиктограмма иероглифа несут сакральный смысл, понятный *посвященным*. Посвященными были люди, которым из поколения в поколение передавалось знание, – *гнозис*. Это знание, позволявшее им управлять силами природы (в этом я сильно сомневался), впоследствии получило название *магии*. Т.о. все, что меня окружало в этих храмах, являлось как бы сценой, на которой и происходило действие общения человека с богами...

Ведь, в сущности, кто такой маг? Это, ведь, человек, который научился не только общаться, но и подчинять своей воле силы, вызванные его магическими заклинаниями. Непосвященный жил в страхе перед силами природы, а посвященный – в общении с ними. Общение достигалось с помощью магии. Для этого надо было знать *истинное имя* бога и уметь произнести его так, чтобы порожденные звуком вибрации дошли до божества и, отразившись от него, вернулись к жрецу, зарядив его космической энергией. Этим, по-видимому, была обусловлена и специфика пропорций древнего храма. Боги управляли жизнью древних египтян так, как нами до недавних пор управляла КПСС, т.е. зомбировали их. Само рождение человека воспринималось, как дар богов, а его смерть – как переход в другую жизнь. Неразрушимость жизни была основой основ древнеегипетской философии. Отсюда тот колоссальный оптимизм, которым пронизано все древнеегипетское искусство. Здесь нет места проявлениям человеческих страстей. Боги творят человеческое существование с бесстрастным спокойствием Будды. Жизнь всеильна и бесконечна. Смерть – эпизод, одно из проявлений жизни. А раз смерти нет, то ее нечего и бояться. Живи, радуйся жизни вокруг себя, солнцу, Нилу, семье, поклоняйся богам, вплоть до того часа, когда они заберут тебя, чтобы переселить в царство теней, где тебя ждет новая, по-своему интересная жизнь. Древний египтянин не воспринимал себя отдельно от всего: *он был частью огромного целого, и ему не было знакомо чувство одиночества*. Это был, в целом, счастливый народ, находящийся в состоянии душевного и социального равновесия.

Фреска на стене гробницы

Т.о., все, что я видел на стенах храмов и подземных склепов, было своеобразной энциклопедией древних знаний, накопленных Египтом за тысячелетия его существования. И, все же, трудно было поверить, что с помощью заклинаний и магии можно было подчинить себе не только податливую душу человека, но и неподвластные нам силы природы. Какое надо было

иметь желание, какую уверенность в себе, в своих силах, какое высокомерие! Не отсюда ли пошла вся наша наука, вся наша цивилизация? Сформулированное магами под сводами древних храмов, это желание двигалось вместе с развитием человека, приведя его, в конечном счете, к изобретению компьютера, к синтезу белка, к расщеплению атома. Человек не хочет довольствоваться тем, что дает ему Мать-Земля, ему надо больше, ему хочется высь, к звездам, ему *надо* во что бы то ни стало прорваться к богам! Теперь, по прочтении этой книжки, всё, что я видел здесь, – все эти храмы, скульптуры и фрески – перестало быть для меня «мертвыми камнями». Они, как бы, приблизились ко мне, стали частью современного мне мира. Впечатление, произведенное книгой, словно вспышка, озарило мое сознание, но в следующее мгновение она погасла, и моя душа вновь погрузилась во мрак материальной жизни...

... Помню, сидим мы, как-то, с Вовиком на площадке перед нашим кинотеатром, потягиваем пиво и вдруг он мне на ухо:

– Ну, как, ты Верку ещё не трахнул?

– Да нет, ты что, – смутился я, – у нас не те отношения. Мы же друзья. Да и перед Сашей было бы неудобно.

– Неудобно было мне, когда я тебя завалил, – с наглой ухмылкой перебил он меня. – Потому что ты целка, – добавил он, придвинувшись ко мне и обняв за плечи. Я сразу весь обмяк, чувствуя, что нет сил сопротивляться. – Ну, ничего, ещё не все потеряно, – шепнул он доверительно, незаметно похлопав рукой меня по ширинке. – Заходи, потолкуем.

Мои отношения с Верой находились, т.с. «в стадии позиционного равновесия». Видя расположение ко мне ее мужа (я тогда ещё не догадывался об истинной причине его дружелюбия), я не решался переступить границы дозволенного. Мы по-прежнему устраивали «семейные» застолья, во время которых мы с Верой предавались чувственным танцам, а моя половина с Витей играли роль зрителей, сидя в лоджии и потягивая холодное пиво или кока-колу. Потом мы отправлялись вместе гулять. Маршрут наших прогулок был один и тот же: подальше от домов и людей. Вокруг поселка шла шоссейная дорога, окружавшая его со всех сторон и отделявшая от пустыни. Вот по ней-то мы и совершали наш вечерний моцион. Вначале шли вместе, а потом как-то так, само собой, получалось, что мы разбивались на пары: я с Верой уходил вперед, а Л. с Витей оставались сзади. В полнолуние, когда огромная луна, зависшая низко в небе, освещала все вокруг мертвенно-бледным светом, пески пустыни казались застывшим морем.

Витя относился ко мне с симпатией и тактом, которые для людей его круга и положения здесь были просто немыслимы. Мы, переводяги, больше привыкли к хамству. «Итээры» с нами не церемонились и, как всякую прислугу, держали от себя на расстоянии. К тому же, нам не верили: многие считали нас, и не безосновательно, стукачами. Мы не возражали и тоже держались особняком. Витя поломал эту традицию. Его можно было обо всем спросить, не боясь быть высмеянным. В нем было что-то располагающее к себе, какая-то смесь простоты, доброты и интеллекта, сквозь которые проглядывала затаенная боль. Впрочем, боль эту он успешно глушил алкоголем. Женаты они с Верой были уже давно и видимо успели сильно поднадоесть друг другу. У них был ребенок: мальчик лет пяти-шести, которого они оставили в Союзе – «подальше от беды». Вера была года на два старше Л., но внешне это было незаметно, а по темпераменту она могла дать ей приличную фору (впрочем, здесь, по-видимому, не обошлось без моего влияния). Она была невысокого роста, стройная, живая, и внешне не такая сексапильная, как Л., но более «динамичная». Мне особенно нравилась ее улыбка: у нее был красивый чувственный рот и великолепные зубы. Когда она улыбалась, все лицо ее буквально светилось радостью, а миндалевидные глаза турчанки искрились темным маслянистым блеском. Она была весьма чувственной натурой. Мое присутствие, видимо, действовало на нее, как стакан хорошего вина: всякий раз, увидев меня, она приходила в неистовый восторг и начинала носиться по квартире, пытаясь сделать сразу тысячу дел и время от времени бросая на меня

быстрые, пламенные взгляды. Чтобы чаще бывать вместе, она упростила меня давать ей уроки английского языка и с этой целью мы иногда уединялись в спальне, пока Витя и Л. хлопотали на кухне. Их взаимоотношения развивались по другому сценарию. В отличие от меня, Л. была влюблена в Сашу серьезно, но так хорошо камуфлировала свое чувство, что мне и в голову не приходило заподозрить ее в чём-то. Как выяснилось впоследствии, Витя тоже очень скоро в нее влюбился: ему импонировала «начитанность» моей супруги, которая всегда умела «подать себя», не отличаясь при этом высокой культурой. Но он был важной фигурой на строительстве и не хотел давать повода сплетням. Кроме того, он, по-видимому, боялся провала на сексуальном фронте, и поэтому всячески оттягивал момент близости.

...Однажды я свалился с приступом радикулита и кайфовал в одиночестве (Л. была на работе), нежась в постели в предобеденное время. Вдруг слышу осторожный стук в дверь (или мне это снилось?). С трудом встаю, подхожу к двери и сквозь рифленый квадратик стекла различаю знакомый профиль. «Ба, да это ж Вера», – доходит до меня, а я в майке и трусах. Открываю и быстро впускаю ее, оглядывая соседскую дверь напротив (наверно, уже заметили, думаю про себя, а собственно, какая разница?)

– Не беспокойся, они все уехали на базар, я их встретила по дороге, – перехватывает мой взгляд Вера и, вдруг (вот так сюрприз), чмокает меня в щеку. – Я сегодня не на работе, вот и решила навестить тебя, – она показывает мне авоську с фруктами: апельсины, бананы, парочка манго. – Ты иди, ложись, не стой, – она проходит на кухню и выкладывает там фрукты. – Кстати, Л. звонила, – кричит она мне с кухни. – Просила покормить. «Значит, жена знает, что она здесь», отмечаю я про себя. – Тебя как: с ложечки или сам будешь?

Я не знаю, что ей ответить: ее шутка кажется плоской и в то же время такой нужной сейчас.

– Кстати, у меня есть для тебя отличное средство, – продолжает Вера с кухни. – Мы его сейчас с тобой опробуем.

– Что за средство? – я пытаюсь придать голосу деловые интонации, хотя в мыслях уже совсем другое.

– Не скажу: сам увидишь, – Вера любит казаться загадочной. Она возвращается в спальню и достает из сумки симпатичного вида бутылочку темного стекла с желтой наклейкой, изображающей портрет старика.

– Что это: капли Фрейда? – я пытаюсь шутить, но неудачно: она хихикает, как будто я сказал какую-то скабрзность.

– Ты, что, никогда не видел? Это же «слон»!

– Ну, вот, слона-то я и не приметил, – говорю я, и моя реплика вызывает ещё больший приступ смеха.

– Ты, что, никогда «слон» не видел? – сквозь хохот спрашивает Вера.

– Слона, – поправляю ее я, втайне радуясь, что мне удалось так легко ее развеселить.

– Глупый, – она в бессилии опускается на кровать. – Это же название.

Я уже и так вижу на этикетке Sloane's, но продолжаю изображать тупицу.

– Посмотри: вот, видишь, написано: Слон.

– «Слонс», – поправляю я ее и погружаюсь в чтение рекламной аннотации. Действительно, средство универсальное. Лечит все: от насморка до люмбаго.

– А ну-ка, снимай майку и ложись на живот. Мы его сейчас опробуем. (Мне везёт, что Вера – человек действия).

– Может, не стоит, – слабо сопротивляюсь я, но она уже не слушает меня: ей точно так же хочется командовать, как мне подчиняться. Она помогает мне снять майку и перевернуться на живот. Потом достает пакет ваты из сумки.

– Я тебе сейчас натру поясницу и бока, а потом грудь. И пожалуйста, не спорь, – изрекает она в ответ на мои невразумительные протесты и кладет мне руки на спину.

«Боже, какое прикосновение!», восклицаю я про себя, чувствуя, как ласкают кожу мягкие подушечки ее пальцев.

– Вначале мы сделаем массаж, – после некоторого размышления добавляет Вера, и я слышу в ее голосе новые интонации. Она смазывает руки кремом и начинает растирать спину, вначале легко, плавными кругообразными поглаживаниями переходя от лопаток к бокам и постепенно двигаясь вниз к пояснице, потом более энергично, вновь принимаясь за плечи и позвоночник. Подобравшись к крестцу, она вдруг сдергивает с меня трусы и начинает массировать ягодицы, разминая ладонями.

– Теперь ноги, – бросает мне Вера.

– Не надо, – хрипло выдавливаю я из себя.

– Нет, надо, – тоже сдавленным голосом говорит Вера и, прикрыв простыней ягодицы, раздвигает ноги и принимается массировать ляжки. Иногда рука ее как бы невзначай подбирается к самой мошонке.

– Ну, вот, хорошо, – произносит Вера, – а, теперь давай на спину.

– На спину? Зачем?

– Не задавай лишних вопросов, – нарочито сердитым голосом перебивает меня Вера, – делай, что тебе говорят.

«Сейчас она увидит», стучит у меня в голове, «сейчас она все увидит».

Я чувствую, что мне очень хочется, чтобы она увидела мой крепкий *стручок* и поняла, что я хочу ее. Переворачиваюсь, и член вздымается под трусами, превращая их в подобие шатра.

– Ну, что, не лучше? – ласково спрашивает Вера, делая вид, что ничего не замечает.

– Да, – говорю я, пытаюсь подняться, но в тот же момент боль буквально перерезает поясницу, и я в бессилии снова валюсь на спину.

– Больно! – испуганно восклицает Вера. – Где?

– Поясница, – шепчу я, закатывая глаза со страдальческим видом.

– Беденький, – тоже тихим голосом откликается Вера. Просунув руки мне под поясницу, она пытается растереть ее снизу, прижимаясь при этом грудью к животу и члену. Она гладит мне спину и вдруг, не в силах справиться с собой, принимается страстно целовать грудь: она слегка покусывает соски, переходит на живот, залезая языком в пупок, и целует, целует, – она готова съесть меня с потрохами! Потом приподнимается и бросает на меня долгий взгляд. Видя мое блаженство, она взвизгивает и, быстрым движением сдернув мне трусы, погружает лицо прямо в чресла. Я лежу, закрыв глаза, не смея пошевелиться и чувствуя, как волны оргазма подкатываются к основанию члена, готовые прорвать последнюю блокаду. Такого я ещё не испытывал. Мне стыдно и одновременно нестерпимо приятно. Ужасно хочется видеть, как она это делает, но мне стыдно смотреть, стыдно своего любопытства: что она подумает! Я понимаю, что надо как-то ответить на ее страсть, но я могу поделаться! И я просто смотрю, как она разглядывает мое хозяйство. Она загипнотизирована моим членом, смотрит, не в силах оторвать взгляда от его напряжённого подрагивания.

– Иди ко мне. Раздёнсья.

Мне стыдно от того, что я это говорю, показывая тем самым свою беспомощность. Хочу приподняться, но не могу: радикулит тяжелым камнем прижимает меня к кровати.

– Лежи, лежи, – шепчет Вера («почему она перешла на шепот?»), тебе нельзя. – Лучше я его поцелую. Можно?

– Конечно! – вырывается у меня, – делай с ним все, что хочешь, Он – твой. Если, конечно, тебе не противно, – произношу я с кривой усмешкой.

– Какой же ты дурак, – смеется Вера. – Ну, разве это может быть противно? Ведь, он же такой нежный у тебя, *такой трепетный!* Да, да, именно трепетный, – повторяет она с радост-

ным видом оттого, что нашла удачное слово. – Только его надо немножко помыть, – добавляет она, оттягивая *крайнюю плоть*. – Он у тебя неухоженный.

Она удаляется в ванну и через пару минут возвращается с мокрым полотенцем в руке. Из полурасстёгнутой блузки выглядывает обнажённая грудь.

– Так не лучше? – кокетливым голосом спрашивает она, увидев в моих глазах удивление.

– Да, нет, что ты, – неуверенным голосом отвечаю я. – Можно было вообще без ничего.

Грудь у нее несколько плосковата.

– Тебе нравится?

Она наклоняется к моему лицу и начинает водить сосками по губам. Вместо ответа, я осторожно беру один сосок в рот и начинаю сосать, чуть-чуть прикусывая его зубами. На лице у Веры – блаженство.

– Где ты этому научился, – словно очнувшись, восклицает она и приступает к обработке моего члена. Аккуратно протерев его полотенцем, она устраивается у меня между ног и, склонившись над ним, вдруг принимается целовать его, вначале робко, изредка бросая на меня страстные взгляды, потом все более страстно, пока, наконец, губы ее не смыкаются над головкой, а я смотрю, и глаз не могу оторвать от этого необыкновенного зрелища *женщины с членом во рту*, на миг позабыв, что все это происходит со мной. Проходит пара минут, и волны оргазма, сметая все на своем пути, рвутся наружу из глубин организма, захлестывая сознание. Извиваясь, как угорь на сковородке, я хочу выдернуть член из ее жаркой пасти, но Вера не отпускает. Обхватив его руками, она все стремительней двигает головой, орудуя языком и губами.

– Я сейчас кончу! – кричу я, выгибаясь вверх, забыв про свой радикулит. Вера кивает мне в знак согласия, и в следующее мгновение я уже бьюсь в конвульсиях, извергая из себя, как мне кажется, целый поток спермы. Вера в ужасе открывает глаза и, схватившись рукой за горло, бежит в ванную. Я слышу, как она там отплевывается и полощет горло.

– Ну и забористая же она у тебя! – кричит она мне из ванной. – Прямо укус какой-то.

«Перебродила, наверное,», хочется крикнуть ей в ответ, но сил нет никаких: во всём теле слабость и полное изнеможение, и только член стоит, как ни в чём не былало, как будто ему всё ни по чём. Дабы не вводить больше ни себя, ни ее в искушение, я прикрываю его простыней. Почистив зубы, Вера возвращается в спальню и садится на край кровати.

– Тебе хорошо было? – с нежностью целуя меня, спрашивает она. – Почему мне так хочется тебя целовать? – перебивает она сама себя и, не дожидаясь ответа, добавляет, – Я такого никогда ещё не испытывала.

Не открывая глаз, я просовываю руку ей под юбку и, пробравшись между ляжек, попадаю прямо в теплую липкость ее «киски». Нащупав клитор, я начинаю его массировать, чувствуя, как он твердеет под рукой. Вера, которая в этот момент несет какую-то чушь, вдруг замолкает на полуслове и, закрыв глаза, падает к моим ногам. Прижавшись к ноге, она начинает гладить мне ляжку, пытаюсь дотянуться до яичек.

– До чего же приятно, – шепчет она, уткнувшись лицом мне в ногу, в то время как я, засунув пальцы во влагалище, трясую ими как рыба плавником, одновременно энергично разминая большим пальцем клитор. Ее пелвис начинает ритмично поерзывать в такт моим движениям, ее поглаживания становятся более резкими, она вонзает мне ногти в ногу, расцарапывая ее до крови. Прижавшись лицом к ноге, она вдруг начинает кусать ступню, впиваясь в мясо зубами и исторгая при этом громкие стоны. Приступ оргазма выгибает ее дугой, после чего она с диким воплем валится с кровати на пол. Оргазмы следуют один за другим, и она корчится на полу, сжимаясь и разжимаясь, словно пружина открываемой двери. Через несколько минут она успокаивается и приходит в себя.

– Что со мной было? – спрашивает она, в изумлении глядя на меня.

– Иди ко мне, – говорю я. – Ложись рядом, отдохни.

– Я куда-то унеслась, – говорит мне Вера, устраиваясь рядом со мной на кровати. – Меня здесь не было.

– Жалеешь, что вернулась? – спрашиваю я. – Наверно, не прочь ещё раз попробовать? —

– Ой, нет, – отзывается Вера, – я тогда просто умру.

– Давай, умрем вместе, – шепчу я ей на ухо и кусаю за мочку. Она тихо взвизгивает, и рука ее тянется к моему одиноко торчащему члену.

– Смотри, какой неумный, – зажав его в руке, шепчет Вера, – мы про него совсем забыли и он, наверно, злится.

– Не то слово, – отвечаю я ей в тон, – он просто вне себя от ярости.

– Надо мне его как-то умаслить, – с нежностью замечает Вера, тихонечко мастурбируя член в кулаке.

– Вот и умасли, – отзываюсь я. – Где у тебя масло?

– Да? – спрашивает Вера и смотрит на меня сияющими глазами. Увидев в моих глазах согласие, она встает с кровати и, сбросив с себя юбку, остается в расстегнутой блузке. Я замечаю, что у нее ярко-рыжий аккуратно постриженный лобок. Мне хочется зарыться носом в эту рыжую поросль. Я улыбаюсь и засовываю свои ещё липкие пальцы в рот, как бы показывая ей, что у меня сейчас в мыслях. Её лицо тоже расплывается в улыбке и, перекинув через меня ногу, она усаживается мне на чресла, от чего пружинная сетка кровати проваливается вниз.

– Возьми подушку, – говорю я и, выдернув ее из-под головы, подаю ей. Она подкладывает ее мне под поясницу и, устроившись у меня на чреслах, вводит член во влагалище. Я чувствую, как он легко проскальзывает внутрь и как ему хорошо там. Некоторое время Вера сидит на мне, не шевелясь, всем своим существом вбирая в себя ощущения. Потом, как бы примеряясь, начинает двигать пелвисом, потом откидывается назад, ещё глубже вгоняя в себя пенис, и вдруг глаза ее широко раскрываются и на лице изображается выражение такого блаженства, как если бы она увидела перед собой нечто в высшей степени приятное.

– Боже мой! – восклицает она. – Это просто невыносимо хорошо! – и с этими словами она валится мне на грудь, чуть не выпустив из «киски» источник ее наслаждения. Опомившись, она тут же выпрямляется и, оперевшись руками о края кровати, начинает ритмично вращать пелвисом, сладко жмурясь всякий раз, когда член достигает в ней определенной точки. Движения ее становятся все стремительнее и хаотичнее, и мне кажется, что член мой все глубже и глубже проникает в ее недра. На лице ее печать невыразимого блаженства. Она раскачивается из стороны в сторону, пока, наконец, оргазм опять не опрокидывает ее навзничь, при этом мой пенис со смачным звуком выскакивает из ее «киски»; весь красный, мокрый, со струйкой спермы, стекающей по головке, он торчит, словно кусок резинового шланга из асфальта.

– Твою мать! – вырывается у меня. – Не могла подождать!

Мое ругательство мгновенно приводит ее в чувство, она резко садится на кровати и смотрит на меня с отчаянием, которому нет границ.

– Что я наделала?! Тебе плохо? – вопрошает она.

– Да, ничего, – отвечаю я с наигранной хмуростью, – не дала мне *кончить*, вот и все.

Мне приятно быть грубым, отмечаю я про себя, мне приятно оттого, что я могу называть вещи своими именами. Может быть, впервые за много лет я чувствую себя по-настоящему мужчиной, мне не надо подыгрывать женщине, *не надо лебезить*. Вера это тоже мгновенно понимает. И она мгновенно перестраивается.

– Что мне делать, Ва-чка! Скажи, как мне сделать, чтобы тебе было хорошо.

Эти слова для меня лучше всякого бальзама. Значит, ты чувствуешь себя виноватой? Что ж, тем хуже для тебя, мелькает у меня в голове.

– Ничего, – говорю я вслух. – Только в следующий раз жди, пока я не кончу.

Вера послушно кивает головой и опускается на колени.

– Прости меня, – говорит она, умоляюще глядя на меня. – Ты простишь?

– Я-то прощаю, – я чувствую, как бес во мне вновь поднимает свою голову. – Да, вот, простит ли он?

И я показываю глазами на пенис.

– Он? – недоумевающе переспрашивает Вера и тоже переводит взгляд на мой член. – Бедненький, – восклицает она, пододвигаясь к нему на коленях. – Ну, хочешь, я его поцелую?

– Нет, не надо, ради бога, сейчас он очень чувствительный.

– Ну, последний раз, чуть-чуть, можно?

И не дожидаясь ответа, она склоняется над моим сморщенным отростком и целует его в районе уздечки. – Прости меня, я не хотела тебя обидеть, – говорит она, обращаясь к члену, и снова целует его. – Ммм, соленький! – вдруг восклицает она и, причмокивая от удовольствия, принимается лизать безжизненно лежащую плоть.

– Не надо, – слабо протестую я, чувствуя новый прилив желания. – Не надо, я не могу больше.

– Ну, что ты, конечно, конечно, – бормочет Вера, слизывая остатки спермы с головки. – Ты же болен, милый... Смотри-ка, а он оживает!

В ее возгласе столько неподдельной радости, что член мой начинает, дергаясь, как паралитик, вновь подниматься над животом.

– Прекрати, сейчас же, – я пытаюсь изобразить на лице выражение строгой непреклонности, которой мне явно не хватает в голосе.

– Ну, не буду, не буду, – Вера отскакивает от кровати и встает в метре от нее, с вождением следя за реанимацией члена. – Нет, все, все, надо и честь знать, – быстро говорит она, как бы стряхивая с себя пелену наваждения. – Дай, я тебе помогу.

Видя, что я пытаюсь встать с кровати, она бросается ко мне и придерживая меня за талию и подсунув голову под руку, осторожно ведет в ванную комнату...

...С того дня моя жизнь превратилась в «хождение по острию ножа». Страсть вцепилась в нас мертвой хваткой, и мы жили в постоянном предвкушении блаженства. Я полностью подчинил себе Веру, – она как бы сделалась моей рабыней, – но и сам не успел опомниться, как стал рабом собственной похоти. Нам нужно было непременно видеть, слышать, дотрагиваться и ласкать друг друга. В разлуке наша жизнь казалась бессмысленным кошмаром, из которого мы выходили, бросаясь в объятия друг другу. Мы понимали, что мы разные, мы знали, что у нас нет будущего, но именно это и придавало нашим встречам ещё большую остроту. Нужно было успеть как можно больше насладиться друг другом, как можно больше взять (именно взять, а не дать!) друг от друга! Мы стали лицедеями, изобретательными в желании сократить периоды между нашими «случками». Что думали по этому поводу наши половинки нас интересовало лишь отчасти, потому что очень скоро обнаружилось, что они тоже по-своему втягиваются в круговерть любовной интриги. В общем, все складывалось хорошо.

Вера призналась мне, что «положила на меня глаз» ещё во время их первой встречи в доме культуры.

– Ты был, как жемчуг среди стекляшек, – призналась она мне, жарко улыбаясь. («Почему не бриллиант?», подумалось мне).

Будучи натурой деятельной, она, недолго думая, стала «наводить мосты», действуя, как водится, в этих случаях, через мою жену. Именно под ее влиянием, Витя (ее муж) взял Л. к себе в отдел, выделив ее, как перспективную переводчицу. Став ее лучшей подругой, Вера разжигала ее любопытство рассказами о необыкновенном авторитете, которым пользуется муж на строительстве (что, в общем, соответствовало действительности), о его успехах у женщин, о том, как ей с ним трудно, о его щедрости и легковёрности. Надо сказать, что ее байки нашли в лице Л. благодатную почву: ей всегда нравились мужчины старше ее, мужчины с положением и деньгами. Потом, опять же под ее влиянием, состоялась наша официальная «презентация» у них в доме и после этого мы стали, как говорится, «дружить семьями». Нас стали видеть

вместе в клубе и на работе, по вечерам, после обильного ужина и возлияний мы вместе выходили на променады, вместе ездили в бассейн и за покупками в Асуан по воскресеньям. Короче, мы стали «одной семьёй». И в этом не было ничего странного, потому что здесь так поступали многие. В нашу компанию был вхож только Вовик. Не знаю уж каким образом ему удалось втереться к Грушиным в доверие: ну а со мной он вообще был запанибрата. По вечерам, он подсаживался к нам за столик в «бистро» перед клубом и с доверительно-нагловатой ухмылкой начинал перемывать косточки местным боссам: он вел секцию детского плавания и знал все, что говорится, «из первых рук», т.е. от мам.

Не знаю почему, но я совсем не ревновал свою Л. к Грушину. Он был мне откровенно симпатичен и, дорожа своим знакомством с ним, я смотрел на его ухаживания за ней сквозь пальцы. Это было ещё до нашей близости с Верой, а уж после неё и того больше – его увлечение Л. казалось мне огромной удачей. К тому же, я не верил, что между ними могла быть что-то серьёзное: так, флирт, игра в кошки-мышки, которую так обожала моя Л., утоляя этим свое самолюбие.

Грушины жили как настоящие «раисы», т.е., господа, по-арабски. У них была служебная «Волга», а дома все, что могло скрасить и украсить быт советского эксперта в этом Богом забытом месте, от «настоящего» японского кондиционера, до колонки для горячей воды в ванной. Мы приноровились ездить с ними в Асуан за продуктами, вместе катались на фелюке по Нилу, заезжали в местный «интуристовский» отель «Калабша» (где их отлично знали!) выпить по чашечке кофе или по стаканчику виски с содовой (платил, как правило, Витя), вместе ездили на Красное Море и в Абу Симбел в только что открытые после реконструкции храмы Рамсеса III и его жены царицы Хатор (храмы находились в радиусе водохранилища и их подняли на 30 или 40 метров выше первоначальной отметки, чтобы предотвратить затопление). В общем, стали, что говорится, «не разлей водой».

Положение круто изменилось после нашего внезапного сближения с Верой. (Не такое уж оно было и внезапное: просто наши чувства достигли, что называется, «критической массы», и «бомба» рванула). Теперь наши дружеские, ни к чему не обязывающие отношения стали маской, помогавшей нам скрыть наше «истинное» лицо. Как нам это удавалось, одному дьяволу известно и при этом нам с Верой хотелось все время видеться – это стало потребностью такой же неотвратимой, как потребность в еде и питье...

.....

...Нам очень хотелось провести ночь вместе, и Вере пришла в голову простая, легко выполнимая идея: съездить вместе на экскурсию в Луксор. Витя не мог по работе, моя Л. не выносила езды в автобусе, и это решило дело.

В то утро мы с Вовиком уселись на заднее сидение, хотя я чувствовал, что делаю это зря. Это был львовский, новый по тем временам автобус с двигателем сзади, и наши места были самыми невыгодными – вдобавок к жаре снаружи тебя ещё окатывает жаром, идущим от перегретого мотора. Зато никаких любопытных глаз вокруг. Кроме, конечно, араба-шофера, изредка оглядывавшего салон в зеркальце заднего вида.

Вера сидела впереди, у самой кабины. Она все время вертелась, пытаясь поймать мой взгляд: «послать тебе мой мысленный поцелуй», как она потом выразилась. Рядом с нами тоже никого, только ящики с водой.

Первое время я спал, прислонившись щекой к стеклу, потом, когда начало припекать, проснулся и сразу почувствовал на себе Вовину руку. «Боже мой, опять!»! Сбросив его руку со своих чресел, я стал молча смотреть в окно. Ландшафт был довольно унылый: вдоль дороги в обрамлении пальм тянулись нубийские деревушки с длинными глиняными заборами и жалкими лачугами без крыш. То тут, то там мелькали развалины древних египетских храмов, а за всем этим – бескрайние пески, сливающиеся с небом на горизонте.

Между тем, Вовик, как бы невзначай, снова кладет мне руку на ляжку и начинает скрести пальцем по ширинке: неймется ему. Хмуро глядя в окно, я снова сбрасываю его руку, но он опять тут как тут, и я чувствую, как тесно становится в джинсах члену, как слабеют и раздвигаются сами собой ноги, давая Вовику полную свободу действий. Чтобы уложить его поудобнее, залезаю рукой под джинсы и укладываю его вдоль живота «головкой» вверх, которая уже вылезает из-под плавок, и вдруг, как-то само собой получается, что я расстегиваю пуговицу джинсов. А Вовику только этого и надо: быстрым движением расстегнув молнию, он залезает мне под плавки и накрывает член ладонью. Какое блаженство! По всему телу разливается сладостная истома, и у меня нет сил ему сопротивляться.

– Зачем ты их надел? – сердито шепчет Вовик, выпрастывая мое «добро» наружу.

– Не знаю, а что? – шепчу я в ответ, снимая рубашку и набрасывая ее на колени.

– Жарко, – ухмыляется Вовик.

– Слушай, убери руку, ты же меня заводишь, – шепчу я ему на ухо, чувствуя одновременно, что я с ним кокетничаю. Вовик мгновенно схватывает мое настроение.

– К сожалению, ногой мне не достать, – ухмыляясь, отвечает он, и рука его по-хозяйски распоряжается моим пенисом.

– А если я сейчас закричу, – продолжаю я шептать ему на ухо («ну, совсем, как баба», мелькает в голове), и не в силах сдержать наслаждения, кусаю его за мочку.

– Ну, ты, – на мгновение оторопев, шепчет Вовик и, косясь по сторонам, испуганно отодвигается, но вокруг все тихо.

– Если тебе так хочется, кусни лучше его, – цедит он сквозь зубы, показывая взглядом на панамку, лежащую у него на чреслах, под которой что-то топорщится. – Сделай вид, что ты что-то потерял и давай сюда: у меня все готово.

«Что у него готово», – я пытаюсь осмыслить ситуацию, но куда там: я уже на гребне оргазма, который несется наружу, захлестывая сознание и ломая все на своем пути.

– Слушай, я сейчас кончу! Не могу больше! – шепчу я Вовику в ухо и, широко расставляя ноги, съезжаю к краю сидения.

– Ну, давай, давай, – говорит Вовик, ускоряя ритм движений, – давай! – и в следующее мгновение струя спермы фонтанчиком бьет из члена, повисая соплей на спинке сидения впереди.

– Ну, вот, и отлично, – утешает меня Вовик, вытирая сидение и свою испачканную руку, – А теперь отдохни маленько. А руку сюда давай.

Он приводит меня в порядок, застегивает молнию, потом берет мою руку и, просунув ее к себе под панамку, кладет на член. Я чувствую под рукой живое биение горячей плоти, и мне вдруг хочется раздеться, совсем, скинуть с себя всё и развалиться где-нибудь на песке или в постели, выставив все свое хозяйство бесстыдно напоказ, на потеху, и так вкушать его ласки. Я закрываю глаза и начинаю с любовью сжимать и разжимать в кулаке его упругую колбаску, которая твердеет, превращаясь в палку «колбасы твердого копчения». Я вдруг ощущаю, как он вводит его мне в зад (мысль о боли, сверкнув, пропадает) и от этого рот наполняется слюной и мышцы ануса сокращаются, щекоча нервы.

Я открываю глаза и оглядываю салон. Всё вокруг необычно тихо, большинство наших спецов всё ещё спят. Мужик перед нами спит, запрокинув голову назад. Я представляю, как от сильного толчка автобуса у него ломается шея, и мне становится страшно. Перехватив мой взгляд, Вера радостно улыбается мне со своего сидения у кабины водителя и машет рукой, я машу ей в ответ, показывая, что собираюсь соснуть на коленях у Вовика, потом посылаю ей воздушный поцелуй и валюсь ему прямо на чресла. Мне хочется пошалить: я поднимаюсь, посылаю ей ещё один поцелуй, делаю мину, что мне очень жаль, что колени не ее, а Вовика, и снова устраиваюсь у него на чреслах лицом прямо к члену, при этом он быстро закидывает ногу на ногу и водружает панамку на высоко вскинутое колено, загораживая меня от всех.

Его изогнутый, как сабля, член вблизи кажется ещё мощнее и уродливее. Он похож на высокий мухомор с лилово-красной шляпкой и крепким разбухшим туловом, уходящим в зеленовато-рыжую волосатость лобка. Весь в синих прожилках вен, он как бы высечен из куска серого мрамора. Я лежу и зачарованно разглядываю его, не в силах пошевелиться, пока Вовик, наконец, устав ждать, не придвигает мою голову вплотную к его бугристому стволу и схватив его рукой, начинает водить им мне по лицу, касаясь то бровей, то носа, то губ, после чего, к моему великому удивлению, губы мои сами собой раздвигаются, и я обхватываю головку, отмечая про себя ее зазубренность и горячую сухость. На языке солоноватый вкус мочи и полуразложившейся смегмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.